

МАТЕРИАЛЫ XXVI МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Новосибирск, 2013 г.

УДК 34
ББК 67
В74

В74 «Вопросы современной юриспруденции»: материалы XXVI международной заочной научно-практической конференции. (03 июля 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 120 с.

ISBN 978-5-4379-0308-7

Сборник трудов XXVI международной заочной научно-практической конференции «Вопросы современной юриспруденции» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0308-7

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление	
Секция 1. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	6
ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОБИЗНЕСУ	6
Струсь Константин Александрович Долова Диана Альбертовна	
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер	12
К ВОПРОСУ О ПЕРЕЧНЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	12
Андреева Любовь Александровна	
ОБЗОР ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ	18
Мордовкин Юрий Алексеевич	
Секция 3. Гражданский и арбитражный процесс	30
НЕУСТОЙКА. СНИЖЕНИЕ НЕУСТОЙКИ	30
Иванов Дмитрий Викторович Зотова Елена Александровна	
АНАЛИЗ НОВЕЛЛ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ	36
Ястребов Владимир Михайлович	
Секция 4. Гражданское, жилищное и семейное право	42
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ	42
Закупень Андрей Владимирович	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ИХ ПРИМЕНЕНИИ	48
Самойлова Валентина Владимировна	

Секция 5. Земельное и экологическое право	55
ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И РАСПОЛОЖЕННЫХ В МЕСТАХ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ Крылатова Наталья Владимировна	55
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПОСТАНОВКЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАДАСТРОВЫЙ УЧЕТ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ Федорова Ирина Анатольевна	60
Секция 6. Конституционное право	66
НЕДОСТАТКИ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Зубарев Андрей Сергеевич	66
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ) Коновалов Алексей Олегович	71
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ Таджиев Улугбек Зайнутдинович	80
Секция 7. Правоохранительные органы	89
СУБЪЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ЧАСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ФИЗИЧЕСКОГО ИЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА Фадеев Павел Владимирович	89
Секция 8. Уголовное право	94
КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ Андреева Любовь Александровна	94
ЗНАЧЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ АСПЕКТОВ В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ Дядюн Кристина Владимировна	100

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Оспанова Жулдыз Батырбековна	105
ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Чистанов Томас Олегович Карпинчик Анна Вячеславовна	114

СЕКЦИЯ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОБИЗНЕСУ

Струсь Константин Александрович

*канд. юрид. наук, декан юридического факультета, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет (филиал),
г. Пятигорск*

E-mail: KonstantinStrus@gmail.com

Долова Диана Альбертовна

*магистрант
Северо-Кавказского федерального университета (филиал),
г. Пятигорск*

E-mail: Diana.d.88@list.ru

MAIN STRATEGY OF COUNTERACTION TO NARCOBUSINESS

Strus Konstantin Aleksandrovich

*dean legal faculty, doctor of laws, assistant professor,
branch of North Caucasian State University in Pyatigorsk*

Dolova Diana Albertovna

*magistrant of the North Caucasian federal university
(branch) in Pyatigorsk*

АННОТАЦИЯ

Изучаются основные стратегии противодействия незаконному обороту наркотиков. Определяются негативные последствия репрессивной и демократической стратегии противодействия наркобизнесу.

ABSTRACT

The main strategy of counteraction to a drug trafficking are studied. Negative consequences of repressive and democratic strategy of counteraction to narcobusiness are defined.

Ключевые слова: наркобизнес, стратегия противодействия наркобизнесу, незаконный оборот наркотиков.

Keywords: narcobusiness, counteraction strategy to narcobusiness, drug trafficking.

Распространение наркомании в любой стране представляет острейшую национальную проблему, создаёт непосредственную угрозу здоровью населения и безопасности государства» [5]. В России «количество зарегистрированных в 2012 году органами наркоконтроля тяжких и особо тяжких наркопреступлений составило 62 271, что существенно превышает значение аналогичного показателя 2004 года (базовый период) в абсолютном выражении: на 20 349 преступлений, или на 48,5 %. Следует особо отметить, что значение показателя «Увеличение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в составе преступного сообщества (преступной организации), — в % от данных за 2004 год» составило 151,7 % (437 преступлений), что значительно превышает запланированное значение (на 36,7 п.п.) и значение 2011 года (44,8 п.п.) (в 2004 году выявлено 288 преступлений, в 2005 году — 295, в 2006 году — 406, в 2007 году — 642, в 2008 году — 517, в 2009 году — 803, в 2010 году — 468, в 2011 году — 308). Следует отметить, с 2009 по 2011 годы наблюдалось снижение значений данного показателя, тогда как в 2012 году впервые отмечается рост» [1].

Типы (модели) стратегий противодействия незаконному обороту наркотиков, можно подразделить на: либеральная и репрессивная. Теоретически и исторически они тяготеют к различным видам политического режима — демократическому и авторитарному, в особенности к таким их разновидностям, как либеральный и тоталитарный режимы.

Тоталитарный режим в качестве генерального средства в борьбе с преступностью, включая противодействие незаконному обороту наркотиков, предпочитает уголовную репрессию, демократический —

опирается на идею защиты прав человека. Иными словами, в первом случае пусть пострадает невинный, если это будет «способствовать общему благу» — снижению параметров преступности, во втором — лучше оставить без наказания преступника, чем покарать невинного [4. с. 219].

Главным лозунгом либерализма выступает толерантное отношение к различным поведенческим девиациям, невзирая на их патологический характер, поскольку эти девиации есть выражение «прав человека».

С позиций толерантности интерпретируется нидерландская политика в отношении немедицинского потребления наркотических средств. Как известно, Закон «О голландских генеральных прокурорах» 1976 г. определил следующие стандарты отказа от преследования в случае совершения нарушений, связанных с наркотиками: владение «мягкими» наркотиками до пяти граммов; использование небольшого количества «жестких» наркотиков лицом, не имеющим судимости; нерегулярная торговля наркотическими средствами [2].

По мнению В.В. Бойцова и Л.В. Бойцова, это «позволяет избежать значительных издержек, толерантно обращаться с лицами, использующими наркотики для собственных нужд и перевести проблему наркотиков в плоскость публично важного явления» [3]. Указанные авторы полагают, что в результате подобной толерантной политики в Амстердаме наркотики получили меньшее распространение, чем, например, в таких европейских городах, как Мадрид, Франкфурт, Цюрих, и предлагают пристально изучить голландский опыт в Российской Федерации. «Отечественные политики не должны бояться трудных вопросов, разрабатывать и осуществлять прогрессивные проекты» [3].

Представляется бесспорным, что подобная политика в любом случае не приведет к уменьшению числа лиц, употребляющих наркотики. Кроме того, наркоманы не перестают быть криминальным элементом голландского общества. Наркомания по-прежнему является серьезной проблемой для Нидерландов.

Репрессивная стратегия противодействия незаконного оборота наркотиков заметно выигрывает при сравнении с либеральной стратегией, однако она содержит ряд угрожающих тенденций. Первая из них заключается в стремлении ввести уголовную ответственность за потребление наркотических средств. Время от времени в России предлагается вернуться к советскому опыту борьбы с наркоманией, в концепции которого наркоман признавался преступником, а не больным человеком. Понятно, что это предложение неприемлемо,

потому что оно создает более выгодные условия для безнаказанности организаторов наркобизнеса.

Вторая тенденция репрессивной стратегии проявляется в переносе центра тяжести в противодействии незаконному обороту наркотиков с причин на следствия. Это неизбежно становится правилом, поскольку внимание прессы и властей привлекают именно «успехи» в борьбе с наркобизнесом, а не работа по ограничению его социальной и производственной базы, суть которой заключается в работе с близкими родственниками наркоманов.

На наш взгляд, ни либеральная, ни репрессивная стратегии не могут быть признаны той моделью противодействия незаконному обороту наркотиков, которая способна обеспечить наибольшую эффективность антинаркотической политики в современных условиях. Современная оптимальная стратегия по существу представляет их симбиоз, объединяя идею толерантности (к жертвам наркомании и их близким родственникам) с идеей быстрого и строгого реагирования на преступную деятельность наркодельцов с целью её пресечения.

Формирование толерантности к наркоманам должно выражаться исключительно в выражении сочувствия к ним по поводу того, что они оказались жертвами тяжкого недуга. Ни в коем случае нельзя акцентировать внимание на фатальности (неизлечимости) этого недуга [4. с. 16].

Относительно противодействия деятельности наркоторговцев, следует отметить на необходимость, с одной стороны, в пресечении коррупции сотрудников правоохранительных органов, которые, по существу, прикрывают деятельность наркоторговцев, с другой, на необходимость повышения мер наказания в отношении наркодельцов. В этой связи считаем необходимым внести изменения в Уголовный кодекс РФ, добавив ст. 213.1 Наркобизнес в следующей редакции: «Наркобизнес — то есть деятельность физических лиц, направленная на систематическое получение прибыли от производства и сбыта наркотических веществ в крупном и особо крупном количестве наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет и штрафом от 1 млн. рублей до 5 млн. рублей.

Примечание: сверхкрупным размером в настоящей статье признается количество наркотического средства или психотропного вещества, превышающее среднюю разовую дозу потребления в 20000 и более раз».

Принимая во внимание, что основным мотивом, побуждающим к наркобизнесу выступает получение прибыли (доходов), следует

обратить внимание на методику противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём в результате занятия наркобизнесом. В рамках уголовного преследования следует обратить внимание на следующие способы легализации денежных средств или иного имущества:

1. путем совершения с этим имуществом финансовых операций;
2. посредством совершения с ним других сделок;
3. использованием этих средств для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

Организацию расследования преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, условно предлагается разделить на несколько этапов:

- реализация материалов, полученных оперативным путем, основное внимание должно уделяться сбору и процессуальному закреплению первоначальной информации как о преступлениях в сфере наркобизнеса, так и о фактах легализации;
- обобщение и анализ собранной информации, где планируется работа по проверке следственных версий, проводятся следственные и процессуальные действия, направленные на изобличение лиц, причастных к отмыванию денежных средств;
- следственные и процессуальные действия, направленные на квалификацию совершенного преступного деяния.

В заключении следует отметить, что начать решительную борьбу против наркобизнеса необходимо выстраивая эффективную деятельность правоохранительных органов по борьбе с контрабандой наркотиков, с их подпольным производством, с привлечением к уголовной ответственности крупных представителей наркобизнеса, реализуя гибкую и всестороннюю систему социальной помощи наркоманам.

Список литературы:

1. Бланкенбург Э.Р. Голландская правовая культура // Общая характеристика правовой системы Нидерландов // Правовая система Нидерландов. [Текст]: монография/ В.В. Бойцова — М.: «Зерцало», 1998. С. 213.
2. Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Общая характеристика правовой системы Нидерландов // Правовая система Нидерландов. [Текст]: монография/ В.В. Бойцова — М.: «Зерцало», 1998. С. 166—167.

3. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков на 2014—2016 годы // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.fskn.gov.ru/pages/main/info/official_information/23527/index.shtml (Дата обращения: 03.06.2013).
4. Клейменов И.М., Артемов Д.Ю. Стратегии противодействия незаконному обороту наркотиков // Российская юстиция. 2007. № 2. Февраль.
5. Струсь К.А., Долова Д.А. К вопросу о правовых основах судебной практики по делам о преступлениях связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами. «Вопросы права в современном мире» материалы международной заочной научно-практической конференции. (07 мая 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК». 2013. С. 102.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

К ВОПРОСУ О ПЕРЕЧНЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
г. Великий Новгород*

E-mail: andreeva56@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE LIST OF CORRUPTION CRIMES

Andreeva Lybove

*candidate of juridical sciences, associate professor of Russian State
Humanitarian University, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена определению перечня коррупционных преступлений. В настоящее время, проблема коррупции приняла новые масштабы и формы, действия коррупционеров многообразны, что создает определенные трудности для квалификации их действий, определения правовой природы и уголовной ответственности публичного лица. Многие виды коррупционных проявлений относятся к категории должностных преступлений, главным стимулом которых является возможность получения экономической выгоды, связанной с использованием властных и публичных полномочий.

ABSTRACT

The article is devoted to definition of the list of corruption crimes. Now, the problem of corruption accepted new scales and forms, actions of corrupt officials are diverse that creates certain difficulties for qualification

of their actions, definitions of the legal nature and criminal liability of the public person. Many types of corruption manifestations belong to category of the malfeasances which main incentive is possibility of receiving the economic benefit connected with use of imperious and public powers.

Ключевые слова: коррупция, преступление, состав преступления, уголовное законодательство, норма права, должностное лицо.

Keywords: corruption, crime, crime structure, criminal legislation, rule of law, official.

В условиях новых экономических отношений происходит изменение структуры преступности, переоценка общественной опасности деяний на всех уровнях. Многие виды коррупционных проявлений относятся к категории должностных преступлений, главным стимулом которых является возможность получения экономической выгоды, связанной с использованием властных полномочий. В условиях масштабного кризиса, охватившего государство, проблема коррупции приняла новые масштабы и формы, действия коррупционеров многообразны, что создает определенные трудности для квалификации их действий, определения правовой природы и юридической ответственности чиновников. Квалифицируя преступления, необходимо учитывать наличие в уголовном законе общих и специальных составов преступлений, применение норм которых решается в соответствии с правилами конкуренции уголовно-правовых норм.

Эволюция преступности является зеркальным отражением изменений в экономических, социально-политических отношениях в обществе, что неуклонно требует совершенствования уголовного законодательства.

По мнению Б.В. Волженкина «коррупция — это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах. Б.В. Волженкин к коррупционным преступлениям отнес[3] следующие преступления ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, 285, 289, 290, 291, 292, 169, 178, 201, 204, 184 УК РФ, тем самым к рассматриваемым преступлениям отнесено 13 составов.

В отсутствие нормативного регулирования перечня коррупционных преступлений, многие правоохранительные органы прини-

мали меры по определению перечня коррупционных преступлений. Например, в совместном Указании Генпрокуратуры РФ № 399/11, МВД РФ № 1 от 28.12.2009 (ред. от 30.04.2010) «О введении в действие Перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» [4] преступления коррупционной направленности дифференцированы на три группы (всего 40 составов преступлений).

В приказе Следственного комитета при Прокуратуре РФ от 19.03.2009 г. № 7 «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре РФ» [5] к преступлениям коррупционной направленности отнесены 29 составов, представляемых почти все родовые объекты российского уголовного законодательства.

Представляет интерес отнесение преступлений к коррупционным судебными органами. В приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20.05.2009 № 97 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, образцов форм статистической отчетности» [6] к ним отнесены 42 состава, охватывающих весь объектный спектр Особенной части УК РФ.

Таким образом, как на теоретическом уровне, так и на практике отсутствует единое мнение о преступлениях, относимых к коррупционным. Большинство специалистов к коррупционным преступлениям относят все должностные или служебные преступления, отсутствует четкое объектное отнесение преступлений к коррупционным, не определен круг субъектов коррупционных преступлений, так как большинством исследователей под ним понимается только государственный или муниципальный служащий.

07 июля 2013 года депутат Госдумы РФ Яровая внесла в порядке законодательной инициативы проект федерального закона № 292869-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями» [4]. Законопроектом предложено установить единый перечень коррупционных преступлений, включив в него 46 составов, в том числе преступления, совершаемые во взаимосвязи с основными коррупционным составами.

Статья 14¹ Законопроекта № 292869-6 [4] предполагает ввести понятие специального субъекта — лица, подпадающего под признаки

коррупционности, а также лица, действия которых предусмотрены частью первой примечания к статье 201 УК РФ или частями первой-четвертой примечания к статье 285 УК РФ. Таким образом, в соответствии со ст. 201 УК РФ под злоупотреблением полномочиями определено использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, а также в статьях 199.2 УК РФ и 304 УК РФ признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях [6].

В соответствии со статьей 285 УК РФ определено лицо, использующее должностные служебные полномочия вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства. Отсылочная норма не в полной мере определяет круг лиц, подпадающих под определение специального субъекта.

Вместе с тем в законопроекте указан перечень, в котором к коррупционным преступлениям относятся деяния, предусмотренные статьями 141¹, п. "а" ч. 2 ст. 164¹, ст.ст. 184, 204, п. "а" ч. 2 ст. 226¹, п. "б" ч. 2 ст. 229¹, ст.ст. 289, 290, 291, 291¹, пп. "а" и "б" ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст.ст. 170, 201, 202, 285, 285¹, 285², 285³, ч. 1 и 2, п. "в" ч. 3 ст. 286, ст.ст. 292, 305 в случае совершения с корыстным мотивом, а равно п. "в" ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226¹, ч. 2 ст. 228², п. "в" ч. 2 ст. 229, ч. 3 и 4 ст. 229¹, ч. 3 и 4 ст. 183, п. "б" ч. 3 ст. 228¹, ч. 3 и 4 ст. 159, ч. 3 и 4 ст. 159¹, ч. 3 и 4 ст. 159², ч. 3 и 4 ст. 159³, ч. 3 и 4 ст. 159⁵, ч. 3 и 4 ст. 159⁶, ч. 3 и 4 ст. 160 с использованием своего служебного положения, ст.ст. 174, 174¹, 175, ч. 3 ст.ст. 210, 294, 295, 296, 302, 307, 309 [4].

В целом это целесообразно, однако, включение широкого спектра составов уголовных преступлений в определенной степени «неоправданно», так как приведет к двойному учету по широкому кругу преступлений.

Рассматривая классификацию, предложенную в законопроекте, автор полагает, что необходимо наряду с квалификацией коррупционных преступлений, необходимо определить группы составов преступлений по основаниям, определяющими субъект и предмет коррупционного преступления, а именно:

1 группа — преступления, направленные против избирательных прав, работы избирательных комиссий, финансирования избирательных кампаний и фальсификации избирательных документов. Данная группа не носит выраженных признаков коррупционности;

2 группа — мошенничество (все составы преступления), присвоение или растрата, хищение бюджетных средств. Данная группа ограничено выражена, в целом не носит коррупционной направленности;

3 группа — преступления по регистрации незаконных сделок с землей, легализации (отмывание) денежных средств, либо приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем. Данная группа не имеет коррупционных признаков;

4 группа — незаконный экспорт или передача сырья, материалов, оборудования не носит признаков коррупционности;

5 группа — злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями частными нотариусами, организация преступного сообщества, контрабанда определенного круга веществ, хищение оружия, преступления по категории наркотических средств являются составами, имеющими собственные признаки;

6 группа — коррупционные преступления, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями, присвоением полномочий, превышением полномочий, действительно имеющими признаки коррупционности, а также нецелевое расходование бюджетных средств, внесение в реестры заведомо недостоверных сведений;

7 группа — взяточничество, служебный подлог носят выраженные коррупционные признаки;

8 группа — преступления, направленные на воспрепятствование осуществления правосудия и предварительного расследования имеют собственный состав и признаков коррупционности не имеют.

Таким образом, перечень коррупционных преступлений необходимо унифицировать с отдельными составами преступлений,

путем внесения квалифицирующего признака отдельной частью в каждую статью УК РФ.

Автор полагает, что к коррупционным преступлениям необходимо отнести п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 183, 184, 204, 290, 291, ч. 1 ст. 309 УК РФ.

Совершенствование Уголовного Кодекса РФ, федерального законодательства по борьбе с коррупционными преступлениями, установление и четкое определение перечня коррупционных преступлений в УК РФ, определяющим признак коррупционности преступного деяния, позволит эффективно на практике устанавливать законность и правопорядок.

Список литературы:

1. Волженкин Б.В. Коррупция. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998. — 156 с.
2. Приказ Следственного комитета при Прокуратуре РФ от 19.03.2009 г. № 7 «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре РФ» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.durex-promo.ru> (Дата обращения 01.07.13).
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20.05.2009 № 97 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, образцов форм статистической отчетности» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.durex-promo.ru> (Дата обращения 01.07.13).
4. Проект федерального закона № 292869-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями» //КонсультантПлюс Версия Проф. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 01.07.13).
5. Указание Генпрокуратуры РФ № 399/11, МВД РФ № 1 от 28.12.2009 (ред. от 30.04.2010) «О введении в действие Перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.durex-promo.ru> (Дата обращения 01.07.13).
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс Версия Проф. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 01.07.13).

ОБЗОР ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мордовкин Юрий Алексеевич

*главный специалист-эксперт отдела по профилактике
коррупционных проявлений управления по работе
с правоохранительными органами и общественными объединениями
администрации города Ульяновска,
Ульяновск
E-mail: vzhig@bk.ru*

PREVIEW OF THE LEGAL PRINCIPLES FOR PREVENTIVE CARE TO CORRUPTION OF THE ULYANOVSK REGION

Mordovkin Yuriy

*main specialist-expert of preventive care to corruption practice department
of directorate in work with law enforcement agencies and public
association Ulyanovsk city administration, Ulyanovsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы применения законодательства о противодействии коррупции, анализируются новые положения, направленные на минимизацию коррупционных рисков в деятельности государственных и муниципальных служащих.

ABSTRACT

In this paper we are interested in application problems of the anti-corruption laws, the analysis of new regulations in the minimization of corruption risks in the activities of state and local officers.

Ключевые слова: коррупция; противодействие; правовой мониторинг; правоприменение; коррупционные риски; борьба; обязанность; декларация.

Keywords: corruption; anti-corruption measures; legal monitoring; law enforcement; corruption risks; struggle; obligation; declaration.

В последние годы в России широко обсуждается проблема коррупции, что стало следствием признания негативности влияния этого явления на развитие экономики, политики и в целом на общество.

Законодательство России долгое время не содержало дефиниции понятия «коррупция». В статье 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» этот термин определён следующим образом:

1. злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2. совершение деяний, указанных в подпункте «а», от имени или в интересах юридического лица [24].

Под противодействием коррупции законодатель предложил понимать деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

1. по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

2. по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

3. по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [24].

Проведённый анализ правовых основ предупреждения коррупции в России показал, что содержание понятия «предупреждение коррупции» расширилось и стало включать иные формы и способы недопущения проявлений коррупции.

В контексте излагаемого материала проанализированы содержащиеся в законодательстве о предупреждении коррупции противоречия, пробелы и ограничения.

Исследованные редакции международных договоров и нормативных правовых актов, сохраняющих юридическую силу, актуальны по состоянию на 02 мая 2013 года.

Ратификация в 2006 году Конвенции ООН против коррупции [5] и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [4] выявила необходимость имплементации норм этих международных договоров в правовую систему России. В июле 2008 года Президентом Российской Федерации (далее — РФ) утвержден Национальный план противодействия коррупции [7], в настоящее время утративший силу, но которым определен перечень мер, направленных на противодействие коррупции. В частности, планировалось подготовить проект федерального закона «О противодействии коррупции», который определил понятия «коррупция», «коррупционное правонарушение» и «противодействие коррупции» и установил перечень мер по профилактике коррупции в сфере контроля за доходами государственных служащих, судей, лиц, замещающих государственные должности РФ и субъектов РФ, развитию института общественного и парламентского контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства РФ, совершенствования механизма антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов РФ и ряд других [7]. Национальный план определил основные направления государственной политики в сфере противодействия коррупции, установление административной ответственности юридических и физических лиц за совершение коррупционных правонарушений, уточнение требований к должностным лицам, замещающим должности в различных органах, возложение на государственных и муниципальных служащих дополнительных запретов, ограничений и обязанностей, законодательного развития механизма предупреждения коррупции и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе и другое. Планировалось сокращение численности служащих, создание системы контроля за их деятельностью со стороны общественности, разработка стандартов государственных услуг и регламентов исполнения государственных функций. Предполагалось также усилить антикоррупционную составляющую при преподавании учебных дисциплин, повысить роль информационных технологий в освещении деятельности органов государственной власти. Генеральному прокурору и Министерству юстиции РФ поручалась организация проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов РФ. Руководители федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ должны были обеспечить утверждение планов противодействия коррупции [7].

Согласно пункту 3 статьи 90 Конституции России указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить Конституции РФ

и федеральным законам [6]. Поэтому для практической реализации положений Национального плана противодействия коррупции требовалось внесение соответствующих изменений в законодательство и, в частности, принятие специального закона о противодействии коррупции.

Однако, в принятом Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» так и не было определено понятие «коррупционного правонарушения» вопреки задаче Национального плана противодействия коррупции 2008 года.

В 2010 году Президентом России утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции на 2010—2011 годы [22]. Национальная стратегия противодействия коррупции определялась как «постоянно совершенствуемая система мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера, учитывающая федеративное устройство РФ, охватывающая федеральный, региональный и муниципальный уровни, направленная на устранение коренных причин коррупции в обществе и последовательно реализуемая органами государственной власти, иными государственными органами, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества, организациями и физическими лицами» [22]. Значимость мер по предупреждению коррупции изложена в подпункте «б» пункта 7 раздела 3 Национальной стратегии противодействия коррупции [22].

Целью Национальной стратегии противодействия коррупции, действующей до настоящего времени, определено искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе. Перечень этих направлений в целом охватывает меры по предупреждению коррупции, установленные Конвенцией ООН против коррупции, однако механизм их реализации не предполагает создания какого-либо специального постоянно действующего органа, уполномоченного в области принятия мер по предупреждению коррупции, а фактически возлагает ответственность за успешность ее предупреждения на руководителей соответствующих органов и должностных лиц.

Национальный план противодействия коррупции на 2010—2011 годы, утративший в настоящее время силу, по сравнению с ранее действовавшим Национальным планом потерял стратегическую масштабность и превратился в свод узконаправленных поручений различным ведомствам и их должностным лицам по развитию отдельных мер в области предупреждения коррупции.

В марте 2012 года утверждён третий по счёту Национальный план противодействия коррупции на 2012—2013 годы, конкретизировавший меры в области противодействия коррупции. Правительству России поручалось создать эффективную систему «обратной связи», позволяющей государству корректировать проводимую антикоррупционную политику на основе информации о её результативности, полученной от населения и институтов гражданского общества, что в дальнейшем воплотилось в создание так называемого Открытого правительства. Другим поручением стало внедрение единого портала бюджетной системы РФ в целях формирования дополнительных механизмов общественного контроля за деятельностью государственных и муниципальных учреждений и повышения эффективности деятельности органов государственного управления и качества принимаемых ими решений [21]. Этот портал создан и расположен в сети «Интернет» по адресу <http://www.budget.gov.ru>. Национальный план предусмотрел установление единых требований к размещению и наполнению подразделов официальных сайтов федеральных государственных органов, посвященных вопросам противодействия коррупции, что было утверждено в ноябре 2012 года [3]. Кроме этого, введено требование о проведении исследований общественного мнения по оценке уровня коррупции в России и эффективности принимаемых антикоррупционных мер.

Национальный план противодействия коррупции на 2012—2013 годы содержит ряд дополнительных мер по предупреждению коррупции, направленных на необходимость осуществления анализа практики правоприменения нормативных актов по противодействию коррупции, повышение квалификации преподавателей образовательных учреждений, реализующих образовательные антикоррупционные программы и другое.

Национальная стратегия и национальные планы противодействия коррупции определили направления предупреждения коррупции. Утверждение специального антикоррупционного законодательства стало основой для совершенствования старых форм предупреждения коррупционных проявлений и для возникновения новых.

На основании рассмотренных нормативных правовых актов РФ были сформированы правовые основы профилактики коррупции в субъектах РФ и на местном уровне. Эти юридические акты можно разделить на две группы. Первую группу составляют акты и (или) их отдельные положения, утверждённые во исполнение правовых актов федерального уровня.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» государственная гражданская служба состоит из федеральной государственной службы и государственной гражданской службы субъектов РФ, которая регулируется соответствующими актами государственных органов субъектов РФ [25]. Вопросы прохождения муниципальной службы определяются Федеральным законом «О муниципальной службе в Российской Федерации», который по мере утверждения специального антикоррупционного законодательства дополнялся запретами, ограничениями и требованиями, аналогичными предъявляемым к государственным гражданским служащим [23]. Всё это привело к утверждению на местном уровне соответствующих муниципальных правовых актов.

Правовыми актами государственных органов Ульяновской области и органов местного самоуправления муниципальных образований Ульяновской области урегулирована деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских и муниципальных служащих. В Правительстве Ульяновской области этот вопрос урегулирован специальным распоряжением [20] и соответствующим постановлением [13]. Отдельными правовыми актами установлен перечень должностей государственной гражданской службы, при назначении на которые и при замещении которых лица обязаны представлять сведения о своих доходах, имуществе, обязательстве имущественного характера и имущественных правах членов своей семьи, а также порядок предоставления лицами, претендующими на замещение должностей государственной гражданской службы Ульяновской области и лицами, замещающими такие должности, сведений о доходах [11]. Аналогичные правовые акты имеются в муниципальных образованиях.

В государственных и муниципальных органах утверждены порядки уведомления служащими о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений. Однако в отличие от федерального законодательства в Ульяновской области была установлена дополнительная мера материального поощрения государственных служащих за такие уведомления в виде единовременной денежной выплаты в размере 3 тыс. рублей [14]. Важность такой меры заключается вовсе не в размере выплаты, а в демонстрации государством одобрения таких уведомлений.

Отдельный блок правовых актов составляют утверждённые во всех государственных и муниципальных органах порядки проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых

актов и их проектов. Экспертиза правовых актов Губернатора и Правительства области проводится согласно утверждённому в 2011 году порядку, заменившему ранее действовавшее положение [10].

С 2009 года меры по противодействию коррупции в государственных и муниципальных органах обобщаются в специальных ведомственных и муниципальных программах и планах мероприятий. Одна из первых таких программ была утверждена в муниципальном образовании «город Димитровград» Ульяновской области [8]. Первоначально утверждённые программы и планы противодействия коррупции излагали уже утверждённый другим законодательством перечень мер. С 2013 года такие программы стали готовиться в государственных и муниципальных органах по единому типовому проекту, разработанному Уполномоченным по противодействию коррупции в Ульяновской области, и предусматривают специальные меры по предупреждению коррупции в соответствующем органе и подведомственных ему учреждениях. Одна из первых таких программ была утверждена в муниципальном образовании «город Ульяновск» Ульяновской области [9].

Ко второй группе правовых актов в области предупреждения коррупции в Ульяновской области следует отнести нормативные источники права, принятие которых произошло по собственной инициативе органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В Ульяновской области собственные правовые основы предупреждения коррупции стали закладываться до утверждения специальных правовых актов РФ. Ульяновская область стала одним из первых субъектов РФ, создавших региональный координационный совет по реализации антикоррупционной политики [12]. За полтора года до утверждения соответствующего федерального закона в июне 2007 года был утверждён Закон Ульяновской области от 05.06.2007 № 77-ЗО «О противодействии коррупции в Ульяновской области» [2]. В июле 2008 года утверждена областная целевая программа «Противодействие коррупции в Ульяновской области» на 2008—2012 годы» [17].

Практика применения названных правовых актов выявила потребность в едином центре, координирующем реализацию установленных антикоррупционных мер. С этой целью в начале 2009 года учреждена должность Уполномоченного по противодействию коррупции в Ульяновской области, который вместе со специально созданным аппаратом Уполномоченного представлял собой отдельный государственный орган, наделённый полномочиями в области

предупреждения коррупции. С правовой точки зрения решение об учреждении такой должности основывалось на положениях статьи 6 Конвенции ООН против коррупции, которой определено, что каждое государство-участник обеспечивает наличие органа или органов, осуществляющих предупреждение коррупции [5]. Ульяновская область, следуя этим положениям и опираясь на закрепленное в статье 76 Конституции РФ право субъекта РФ осуществлять правовое регулирование в сферах, не урегулированных федеральным законодательством и не противоречащих ему [6], стала первым и пока единственным российским регионом, учредившим дополнительные меры в области противодействия коррупции и централизовавшим их в полномочиях специального органа.

В 2012 году при участии Уполномоченного по противодействию коррупции подготовлена новая редакция регионального закона о противодействии коррупции, которая дополняет перечень мер по профилактике коррупции, установленный Федеральным законом «О противодействии коррупции». Наиболее эффективной составляющей данного закона является проведение антикоррупционного анализа нормативных правовых актов Ульяновской области и их проектов. Эта мера направлена на выявление коррупциогенных факторов и зон коррупционного риска в тех случаях, когда разработчики таких актов не выявили, либо выявили, но не устранили нормы, способствующие проявлениям коррупции. Не менее значимым направлением является проведение антикоррупционного мониторинга и выявление зон коррупционного риска в деятельности государственных органов и подведомственных им государственных учреждениях.

В целях реализации в Ульяновской области одного из важнейших принципов противодействия коррупции, установленного Федеральным законом «О противодействии коррупции» — принципа неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений, в мае 2011 года Губернатором Ульяновской области принято и утверждено распоряжение «О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Ульяновской области» [19], а в марте 2012 года распоряжение, обязывающее руководителей исполнительных органов государственной власти Ульяновской области при выявлении случаев неправомерного, нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств проводить в отношении виновных лиц служебные проверки и при установлении вины привлекать соответствующих лиц к ответственности.

В 2010 году Уполномоченным по противодействию коррупции в Ульяновской области и сотрудниками его аппарата подготовлен

и внесен на рассмотрение Правительства Ульяновской области проект обновлённого перечня мероприятий областной целевой программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области» на 2008—2012 годы» [16], после утверждения которого в 2011—2012 годах изданы правовые акты, регулирующие порядок проведения конкурса на выделение субсидий из областного бюджета Ульяновской области некоммерческим организациям, принимавшим участие в реализации антикоррупционной политики.

Отдельные программные мероприятия стали основой для утверждения ряда правовых актов в области профилактики коррупции. По аналогии с конкурсами, проводимыми федеральными органами власти, в соответствии с правовыми актами, утверждёнными Правительством Ульяновской области, в 2009 году был проведён конкурс среди средств массовой информации Ульяновской области «СМИ против коррупции» [18], а с 2010 года ежегодно проводится конкурс средств массовой информации Ульяновской области «Борьба с коррупцией — дело каждого» [15].

Сформированные в Ульяновской области правовые основы предупреждения коррупции наряду с мерами, установленными федеральным законодательством, регулируют принятие дополнительных мер в сфере предупреждения коррупционных проявлений. При этом Ульяновская область имеет преимущество перед федеральным центром в виде наличия государственного органа, уполномоченного в области координации и исполнения мер по предупреждению коррупции. Наличие подобного органа в структуре федеральных органов власти увеличило бы эффективность предупредительных антикоррупционных мер, принимаемых в России.

Таким образом, утверждённые нормативные документы последовательно имплементировали положения международных договоров России в области предупреждения коррупции и создали основу для минимизации коррупционных проявлений при функционировании различных государственных и муниципальных органов и их должностных лиц.

Дальнейшее совершенствование правовых основ профилактики коррупции должно проводиться в направлении усиления контроля за реализацией уже установленных норм в этой области при обязательном участии представителей гражданского общества и граждан.

Список литературы:

1. Единый портал бюджетной системы // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.budget.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2013).
2. Закон Ульяновской области от 05.06.2007 № 77-ЗО «О противодействии коррупции в Ульяновской области» (утратил силу) // Ульяновская правда. 2007. 9 июня. № 47.
3. Информация Минтруда России от 26.11.2012 «О единых требованиях к размещению и наполнению подразделов официальных сайтов федеральных государственных органов, посвящённых вопросам противодействия коррупции» (документ опубликован не был) // СПС Гарант (дата обращения 27.04.2013).
4. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2394. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://images.garant.ru/navigation.dsp?PHPSESSID=b57771b1b983ea18bbb13d2df9854a7d&number=0&page=1> (дата обращения 28.03.2013).
5. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 26. — Ст. 2780. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://images.garant.ru/navigation.dsp?PHPSESSID=dea3e014b01c470e9c08a1bb2d841cc7&number=0&page=1> (дата обращения 28.03.2013).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 января. Федеральный выпуск № 4831. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (дата обращения: 21.05.2013).
7. Национальный план противодействия коррупции (утв. Президентом РФ 31.07.2008 № Пр-1568) (утратил силу) // Российская газета. 2008. 5 августа. Федеральный выпуск № 4721. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2008/08/05/plan-dok.html> (дата обращения: 15.03.2013).
8. Постановление Администрации города Димитровграда Ульяновской области от 04.05.2009 № 1179 «Об утверждении Городской целевой программы «Противодействие коррупции в городе Димитровграде» на 2009—2011 годы» // Ульяновская правда. 2009. 19 мая. № 68.
9. Постановление Администрации города Ульяновска от 05.02.2013 № 516 «Об утверждении программы «Противодействие коррупции в администрации города Ульяновска на 2013—2015 годы» // Ульяновск сегодня. 2013. 8 февраля. № 11.

10. Постановление Губернатора Ульяновской области от 03.10.2011 № 100 «О Порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Губернатора Ульяновской области и Правительства Ульяновской области» (в ред. 06.08.2012) // Ульяновская правда. 2011. 7 октября. № 113; Ульяновская правда. 2012. 10 августа. № 85.
11. Постановление Губернатора Ульяновской области от 12.03.2010 № 17 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей государственной гражданской службы Ульяновской области, и государственными гражданскими служащими Ульяновской области сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» (в ред. 03.07.2012) // Ульяновская правда. 2010. 17 марта. № 19; Ульяновская правда. 2012. 11 июля. № 72.
12. Постановление Губернатора Ульяновской области от 19.04.2007 № 28 «О координационном совете по реализации антикоррупционной политики в Ульяновской области» (в ред. 26.07.2011) // Ульяновская правда. 2007. 25 апреля. № 34; Ульяновская правда. 2011. 29 июля. № 83.
13. Постановление Правительства Ульяновской области от 01.09.2010 № 286-П «О комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Правительства Ульяновской области и урегулированию конфликта интересов» (в ред. 31.10.2012) // Ульяновская правда. 2010. 8 сентября. № 73; Ульяновская правда. 2012. 9 ноября. № 123.
14. Постановление Правительства Ульяновской области от 03.07.2012 № 316-П «О внесении изменений в постановление Правительства Ульяновской области от 02.05.2012 № 209-П» // Ульяновская правда. 2012. 11 июля. № 72.
15. Постановление Правительства Ульяновской области от 06.05.2010 № 149-П «О проведении конкурса средств массовой информации Ульяновской области «Борьба с коррупцией — дело каждого» (в ред. 07.12.2012) // Ульяновская правда. 2010. 12 мая. № 35—36; Ульяновская правда. 2012. 12 декабря. № 138—139.
16. Постановление Правительства Ульяновской области от 06.10.2010 № 36/325-П «О внесении изменений в постановление Правительства Ульяновской области от 22.07.2008 № 14/329-П» // Ульяновская правда. 2010. 13 октября. № 84.
17. Постановление Правительства Ульяновской области от 22.07.2008 № 14/329-П «Об утверждении областной целевой программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области» на 2008—2012 годы» (в ред. 19.11.2012) // Ульяновская правда. 2008. 30 июля. № 61; Ульяновская правда. 2012. 20 ноября. № 127.
18. Постановление Правительства Ульяновской области от 30.07.2009 № 301-П «О проведении конкурса средств массовой информации Ульяновской области «СМИ против коррупции» // Ульяновская правда. 2009. 5 августа. № 63.

19. Распоряжение Губернатора Ульяновской области от 25.05.2011 № 210-р «О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Ульяновской области». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://anticorrupt-ul.ru/laws/regional/210r.html> (дата обращения: 01.06.2013).
20. Распоряжение Правительства Ульяновской области от 30.08.2010 № 615-пр «О мерах по реализации статьи 12 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Ульяновская правда. 2011. 25 мая. № 56.
21. Указ Президента РФ от 13.03.2012 № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012—2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 12. — Ст. 1391. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://images.garant.ru/navigation.dsp?PHPSESSID=3795ebe8566f8418e226bf949e126d3f&number=0&page=1> (дата обращения 21.05.2013).
22. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 16. — Ст. 1875. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://images.garant.ru/navigation.dsp?PHPSESSID=4ef018556b332ff073297b380863b1b9&number=0&page=1> (дата обращения 14.04.2013).
23. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (в ред. от 03.12.2012) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 10. — Ст. 1152; Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 50 (ч. 4). — Ст. 6954. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://images.garant.ru/navigation.dsp?PHPSESSID=efa25ebc338a18cd66edbd57c2a69457&number=0&page=1> (дата обращения 28.05.2013).
24. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 29.12.2012) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52. — Ст. 6228. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://images.garant.ru/navigation.dsp?PHPSESSID=7d77d22ee0050677b3b71365f71919a5&number=0&page=1> (дата обращения 18.03.2013).
25. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 июля. Выпуск № 3539. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2004/07/31/gossluzhba-dok.html> (дата обращения: 29.04.2013).

СЕКЦИЯ 3.
ГРАЖДАНСКИЙ
И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

НЕУСТОЙКА. СНИЖЕНИЕ НЕУСТОЙКИ

Иванов Дмитрий Викторович
канд. юрид. наук, доцент ААЭП,
г. Барнаул
E-mail: pravo-konsultant@yandex.ru

Зотова Елена Александровна
специалист деканата АлтИФУ,
г. Барнаул
E-mail: elena-01-94@mail.ru

PENALTY. DECREASE IN A PENALTY

Ivanov Dmitry
candidate of juridical sciences, associate professor of Altai Academy
of Economics and Law, Barnaul

Zotova Elena
specialist of dean's office of Altai institute of
Financial management, Barnaul

АННОТАЦИЯ

Раскрыто понятие неустойки, исследованы особенности правового регулирования отношений, связанных с неустойкой, а также проанализирована судебная практика по рассмотрению споров о её взыскании.

ABSTRACT

The concept of a penalty is opened, features of legal regulation of the relations connected with a penalty are investigated, and also jurisprudence on consideration of disputes on its collecting is analysed.

Ключевые слова: неустойка, штраф, Гражданский кодекс РФ, Арбитражный суд РФ

Keywords: penalty, Civil code of the Russian Federation, Arbitration court of the Russian Federation

Самое распространенное наказание за неисполнение своих обязательств по договору — это начисление пени или неустойки.

Согласно статье 330 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков. Также кредитор не вправе требовать уплаты неустойки, если должник не несет ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

Соглашение о неустойке должно быть совершено в письменной форме независимо от формы основного обязательства.

Несоблюдение письменной формы влечет недействительность соглашения о неустойке [2].

Не всегда сумма штрафа является адекватной, поэтому в некоторых случаях есть возможность ее снижения. Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку.

Действующее законодательство, регулируя вопросы, связанные с неустойкой в статье 333 ГК РФ предусматривает право суда на снижение неустойки, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Таким образом, в споре между кредитором и должником о подлежащих уплате штрафах и пенях последнее слово остается за судом. В связи с «жаркими спорами» в арбитражных судах России о соразмерности неустойки потерям компании-кредитора от допущенной компанией-должником просрочки в конце 2011 года Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 22.12.2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса РФ» разъяснил ключевые моменты снижения неустойки [4].

В основу указанного постановления легли два принципа. Первый — это презумпция соразмерности неустойки. Второй заключается в том, что недобросовестное поведение лица, не исполняющего свои обязательства, не должно создавать ему экономических

преимуществ. Теперь у судов, рассматривающих иски о взыскании неустойки, меньше возможностей снизить заявленную истцом сумму, и, даже если основания для снижения есть, суд не может установить сумму неустойки произвольно [8].

В соответствии с пунктом 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2011 г. № 81 следует, что единственным основанием для снижения неустойки судом является ее явная несоразмерность последствиям нарушения обязательства, если об этом заявил ответчик (должник) и представил доказательства [5].

Применить статью 333 ГК РФ Арбитражный Суд может только при наличии соответствующего заявления со стороны ответчика. Из этого правила нет никаких исключений, то есть, снижение неустойки по инициативе суда без заявления ответчика (должника) не допускается ни в каких случаях, даже если, по мнению суда, указанная в иске неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Ответчику мало заявить о несоразмерности неустойки — необходимо представить соответствующие доказательства. В частности, обосновать, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки. Пока должник не доказал обратное, суд должен исходить из презумпции соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства [8].

Для того, чтобы правильно толковать новые положения постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2011 г. № 81 и эффективно их применять на практике в судебных спорах о соразмерности неустойки, необходимо время как сторонам процесса, так и самим судам. Судебная практика по таким спорам не единообразна. В большинстве случаев суды восприняли презумпцию соразмерности неустойки и отказывают должникам в применении статьи 333 ГК РФ, если они не представили доказательств несоразмерности неустойки, даже если ее размер существенно превышает двукратную ставку рефинансирования (Решение Арбитражного Суда Кемеровской области от 12.04.2013 г. по делу № А27-1641/2013 [7]). Основанием исковых требований является ненадлежащее исполнение ответчиком (арендатором) обязательств по своевременной уплате арендной платы, предусмотренных договорами аренды.

Ответчиком в установленный срок представлен отзыв, из которого следует, что он не оспаривает факт просрочки уплаты арендной платы, но полагает, что в силу несущественности срока

просрочки, размер неустойки должен быть уменьшен на основании статьи 333 ГК РФ до двукратной ставки рефинансирования ЦБ РФ. В силу того, что ответчиком не представлены доказательства явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства, суд удовлетворил исковое заявление в полном объеме.

В то же время возможны случаи, когда суды автоматически снижают неустойку только потому, что она выше двукратной ставки рефинансирования, хотя ответчик, заявляя о несоразмерности, не привел никаких доказательств (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 31.01.12 г. по делу № А40-37258/11-31-366 [6]). Следственный комитет Российской Федерации обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском к Закрытому акционерному обществу Корпорация «Защита» о взыскании денежных средств в сумме 4 250 000 руб. 00 коп., составляющей неустойку за просрочку исполнения обязательства по Государственному контракту.

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 23.05.2011 г. иски требования Следственного комитета РФ частично удовлетворены, с Закрытого акционерного общества Корпорация «Защита» в пользу истца взыскано 2 125 000 руб. неустойки.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда решение Арбитражного суда г. Москвы от 23.05.2011 г. оставлено без изменения.

Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 07.11.2011 г. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда и решение Арбитражного суда г. Москвы от 23.05.2011 г. по делу отменены с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Истец в судебном заседании заявленные требования поддержал в полном объеме. Ответчик просит применить ст. 333 ГК РФ, снизив размер неустойки до 116 875 руб.

Доказательства о несоразмерности неустойки ответчиком в материалы дела не представлены. Суд считает возможным определить сумму неустойки исходя из двукратной учетной ставки Банка России, существовавшей на момент нарушения (18 %), что за период просрочки исполнения обязательства составляет 209 375 руб. 00 коп. Суд решил взыскать с ответчика 209 375 руб. неустойки [3].

В связи с отсутствием единства в толковании положений постановления Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2011 г. № 81 у арбитражных судов особое значение для сторон спора приобретают возможности апелляционного и кассационного обжалования.

Апелляционный суд также может принять решение о снижении неустойки. В частности, когда ответчик при рассмотрении судом дела по правилам суда первой инстанции заявил о явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства и представил соответствующие доказательства, однако суд ее размер не снизил, или же снизил, но истец или ответчик не согласен с суммой, назначенной к уплате неустойки.

Что касается суда кассационной инстанции, то он вправе снизить размер взысканной неустойки или увеличить размер сниженной судом неустойки по мотиву несоответствия ее последствиям нарушения обязательства. Также он может отменить или изменить решение суда, если фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены арбитражным судом первой и апелляционной инстанций на основании полного и всестороннего исследования имеющихся в деле доказательств, но этим судом неправильно применена норма права либо законность решения [1].

Тенденции, отраженные в разъяснениях Пленума ВАС РФ нашли свое отражение и в проекте изменений в ГК РФ. Законопроектом № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусмотрено дополнение статьи 333 ГК РФ положениями о том, что суд вправе уменьшить размер неустойки в судебном порядке только «по заявлению должника», а также о том, что «снижение договорной неустойки, подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, когда будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды» [3].

Таким образом, в отзыве на исковое заявление ответчик (должник) должен заявить о несоразмерности неустойки и привести соответствующие доказательства. При этом истцу (кредитору) тоже важно привести свои доводы и доказательства законные и обоснованные в пользу соразмерности неустойки именно в первой инстанции, поскольку при рассмотрении дела вышестоящей инстанции стороны будут лишены возможности предоставлять доказательства, свидетельствующие о несоразмерности неустойки, если не докажут, что эти доказательства не могли быть представлены в суд первой инстанции. Это связано с ограниченностью полномочий вышестоящих инстанций по вопросу применения статьи 333 ГК РФ.

Список литературы:

1. Высший арбитражный суд Российской Федерации// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.arbitr.ru.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая, третья, четвертая): по состоянию на 1 февраля 2013 года. — Новосибирск: Норматика, 2013. — 480 с.
3. Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gk-rf.org/zakonoproekt-47538-6.html>.
4. Компетентно о долгах// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.hotdolg.ru.
5. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 22.12.2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса РФ»// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=124675>.
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 31.01.12 по делу № А40-37258/11-31-366// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/503a3315-853d-4d45-8c04-be960339681c>.
7. Решение Арбитражного Суда Кемеровской области от 12 апреля 2013 года по делу № А27-1641/2013 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/32847310/>
8. Юрист компании. Практический журнал юриста // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.lawyercom.ru.

**АНАЛИЗ НОВЕЛЛ
АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА
ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ
В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ**

Ястребов Владимир Михайлович

*доцент негосударственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Сибирского института бизнеса и информационных технологий»,
г. Омск*

E-mail: yvm60nata@mail.ru

**ANALYSIS OF THE NOVELS OF APPEAL
FOR CIVIL CASES IN COURTS
OF GENERAL JURISDICTION**

Yastrebov Vladimir

*associate Professor of the non-state educational institution of higher
professional education «the Siberian Institute of business and information
technologies», Omsk*

АННОТАЦИЯ

Анализ некоторых изменений в апелляционном производстве по гражданским делам. Определение типа апелляции. Освещение отдельных вопросов апелляционного производства.

ABSTRACT

Analysis of some changes in the appeal proceedings in civil cases. Determination of the type of appeal. The coverage of specific issues of appeal proceedings.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; гражданский процесс; апелляционное производство; срок рассмотрения; полномочия суда апелляционной инстанции.

Keywords: civil proceedings; civil procedure; appeal procedures; time for consideration; the powers of the court of appeal.

Гражданское судопроизводство в настоящее время предусматривает четыре способа проверки правильности вынесенных судебных

постановлений, которыми могут воспользоваться заинтересованные лица. Однако, введение апелляционного производства для проверки всех судебных постановлений по гражданским делам, не вступившим в законную силу, повлекло за собой и изменение порядка проверки судебных постановлений, вступивших в законную силу. В настоящее время для этих случаев предусмотрен пересмотр судебных актов в кассационном и надзорном производствах. Отдельные изменения коснулись и пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

В связи с произошедшими изменениями Н.В. Самсонов считает, что порядок обжалования решений судов общей юрисдикции по гражданским делам, не вступивших в законную силу, и процедура рассмотрения жалоб на такие решения существенно реформируются с 1 января 2012 г. [6, с. 43], т. е. с момента вступления в полном объеме в силу Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» [7].

Принятие Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» вызвало оживленную дискуссию. Например, по мнению В.В. Яркова, фактически количество инстанций и содержание их полномочий остались без изменений [10, с. 3].

Необходимо отметить, что в качестве судов апелляционной инстанции для решений мировых судей остался районный суд. Для судебных постановлений системы федеральных судов апелляционной инстанцией выступают суды, осуществляющие в настоящее время проверку судебных постановлений, не вступивших в законную силу, в качестве кассационной инстанции: верховные суды республик, краевые, областные и другие приравненные к ним суды для решений районных судов; Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации для решений верховных судов республик, краевых, областных и других приравненных к ним судов, принятых ими по первой инстанции; Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации для решений Верховного Суда Российской Федерации, принятых по первой инстанции (ст. 320.1 ГПК РФ) [2].

В правовой литературе отмечается, что переход к апелляции по всем гражданским делам основывается на существующей инстанционной системе, предполагая лишь увеличение кадрового состава, необходимого для надлежащего обеспечения апелляционного производства [3, с. 3].

Справедливо замечание Колоколова Н.А., что при анализе новелл вопросов в них возникает гораздо больше, чем ответов [4, с. 30].

Определяя примерный перечень вопросов, которые возникли при реформировании апелляционного производства, проведенного Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» [7], можно выделить следующие: особенность унификации процедур проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений; расширение круга субъектов, наделенных правом подачи апелляционной жалобы; увеличение сроков для подачи апелляционной жалобы (представления); изменение правил представления новых доказательств и пределов рассмотрения дела в апелляционной инстанции и некоторые другие.

До того как были внесены изменения в ГПК РФ, в российском гражданском процессе параллельно существовали полная апелляция под названием апелляционное производство по обжалованию решений и определений мировых судей и неполная апелляция, именуемая в ГПК РФ — производство в суде кассационной инстанции.

Исследуя правовую природу нового апелляционного производства Б.И. Поспелов, справедливо отмечает, что ей присущи признаки как полной, так и неполной апелляции, при этом основной порядок проверки судебных решений представляет собой неполную апелляцию [5, с. 4].

По мнению Р.В. Шакирьянова, предусмотренный в Законе от 09.12.2010 № 353-ФЗ вариант апелляции определяется как смешанный [9, с. 38].

Обосновывая позицию Р.В. Шакирьянова с учетом ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ можно утверждать, что суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления, дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, только если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд своим определением признает эти причины уважительными, т. е. рассмотрение дела начинается по правилам неполной апелляции. При выявлении допущенных судом первой инстанции нарушений норм процессуального права, влекущих безусловную отмену судебного решения (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ), суд апелляционной инстанции в соответствии с ч. 5 ст. 330 ГПК РФ выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции и рассматривает дело без учета особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ, т. е. по правилам полной апелляции.

Обобщая мнения ученых и анализируя нормы Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» [7], можно прийти к выводу, что апелляционное производство по любому гражданскому делу с 1 января 2012 г. будет начинаться по правилам неполной апелляции, а если в ходе рассмотрения апелляционной жалобы (представления) будут установлены основания, предусмотренные ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, суд апелляционной инстанции должен вынести определение о переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции и рассматривает дело без учета особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ, т. е. по правилам полной апелляции.

Значительным шагом в деле построения правового государства является расширение Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» [7] состава лиц, имеющих право апелляционного обжалования. Предоставив право апелляционного обжалования лицам, которые не были привлечены к участию в деле, и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом, законодатель учел правовые позиции, выраженные высшими судебными органами [6, с. 44].

Необходимо отметить, что также правильно организованная подготовка судебных инстанций, как при направлении гражданского дела в апелляцию, так и при подготовке к рассмотрению дела по существу представленных жалоб, представлений в вышестоящем суде, дает возможность выявить ошибки, допущенные судом первой инстанции, с целью их дальнейшего исправления при пересмотре не вступившего в законную силу судебного постановления.

Статья 327 ГПК РФ регулирует порядок рассмотрения дела судом апелляционной инстанции.

Порядок рассмотрения дела в суде единой апелляционной инстанции, введенной Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» [7], представляет сочетание признаков производства в апелляционной и кассационной инстанциях. Данные производства до 1 января 2012 года выполняли функции суда второй инстанции. Суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных настоящей главой 39 ГПК РФ. Аналогичные положения установлены и в ч. 1 ст. 268 АПК

РФ [1] применительно к производству в арбитражном суде апелляционной инстанции.

Таким образом, данная норма закрепляет характер апелляционного производства не как проверочной инстанции, а как инстанции «пересматривающей», т. е. заново рассматривающей, дело «Об отличиях в функциях «проверки решения» и «пересмотра дела» в деятельности суда второй инстанции» [8, с. 9].

Однако необходимо отметить главное достоинство Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» — создание единой системы апелляции в гражданском судопроизводстве. Устраняются различия в порядке обжалования постановлений мировых судей и федеральных судов общей юрисдикции. Обжалование судебных постановлений, принятых любым судом первой инстанции и не вступивших в законную силу, будет производиться по единым правилам.

Апелляционное производство в качестве суда второй инстанции является тем необходимым институтом, который рассматривается в качестве ординарного способа обжалования. Именно апелляционное производство как наилучший способ устранения судебных ошибок рекомендуется как Конституционным Судом РФ, так и наднациональными органами (Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), Комитет Министров стран — участниц Совета Европы), органами в качестве основного и желателно единственного способа пересмотра решений.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. — 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Иваненко Ю.Г. К вопросу о производстве в суде апелляционной инстанции // Судья. — 2011. — № 5. — С. 46.
4. Колоколов Н.А. Глубокая модернизация «советской» судебной системы // Российская юстиция. — 2011. — № 4. — С. 30.
5. Поспелов Б.И. Спорные вопросы нового законодательного регулирования апелляционного производства в гражданском процессе // Юрист. — 2011. — № 6. — С. 4
6. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы совершенствования апелляционного производства в гражданском процессе // Российская юстиция. — 2012. — № 6. — С. 43.

7. Федеральный закон РФ от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс РФ» // Российская газета. — 13.12.2010. — № 281.
8. Филатова М.А. Перспективы применения нового апелляционного производства в гражданском процессе (комментарий к главе 39 ГПК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2012. — № 2. — С. 24—28.
9. Шакирьянов Р.В. Основания перехода судом апелляционной инстанции к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции: изменения в ГПК // Российская юстиция. — 2011. — № 4. — С. 38.
10. Ярков В.В. Новеллы ГПК РФ: «новое вино в старые меха»? // Юридическая газета. — 2011. — № 1—2. — С. 3.

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ

Закупень Андрей Владимирович

*соискатель Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва*

E-mail: paperclip@yandex.ru

TO THE QUESTION OF CONCEPT OF THE CONSUMER CREDIT IN THE MODERN LEGAL FRAMEWORK OF RUSSIA

Zakupen Andrey Vladimirovich

*competitor of Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные терминологические проблемы потребительского кредитования и потребительского кредита, и толкование указанных терминов в работах российских правоведов. Автором проводится анализ законопроектов, и предлагается определение потребительского кредита.

ABSTRACT

In article the main terminological problems of consumer crediting and the consumer credit, and interpretation of the specified terms in works of the Russian lawyers are considered. The author carries out the analysis of bills, and definition of the consumer credit is offered.

Ключевые слова: кредит; кредитование; потребительские цели; банк; банковская деятельность; денежные средства; операция; законопроект.

Keywords: credit; crediting; consumer purposes; bank; bank activity; money; operation; bill.

Проблема развития и совершенствования кредитования представляется в настоящее время чрезвычайно актуальной, поскольку банки как субъекты, имеющие исключительное право осуществлять операции по привлечению денежных средств юридических и физических лиц и от своего имени размещать их на условиях возвратности, платности, срочности, а также осуществлять иные банковские операции, способны оперативно удовлетворить потребности в значительных заемных средствах, возникающие в процессе хозяйственной деятельности предприятий всех форм собственности.

В действующей Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года [5] цель развития банковского бизнеса заключается в активном участии в модернизации экономики на основе существенного повышения уровня и качества банковских услуг, предоставляемых организациям и населению, и обеспечения его системной устойчивости. Достижение этой цели является необходимым условием развития российской экономики и повышения ее конкурентоспособности на международной арене за счет диверсификации и перехода на инновационный путь развития.

Однако помимо банковского кредитования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей как основных элементов деловой среды государства, немаловажное значение имеет и подъем благосостояния физических лиц, для чего может быть использовано заключение договоров потребительского кредитования. Решение данного вопроса имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для социально-экономического развития Российской Федерации. За последнее время были предприняты попытки реализации различных национальных программ, направленных на предоставление потребительских кредитов населению на выгодных условиях в целях повышения уровня их благосостояния.

Тем не менее, в настоящее время вопросы потребительского кредитования, включая проблемы снижения банковских рисков в сфере розничного бизнеса, проблемы возвратности кредитов, защиты интересов и прав сторон договора потребительского кредита, остаются неурегулированными [2, с. 18]. Несмотря на то, что Гражданский кодекс РФ содержит нормы, посвященные регулированию отношений

по договорам займа и кредита, а их отдельные аспекты регламентированы банковским законодательством Российской Федерации, приходится констатировать, что на сегодняшний день не существует специальных нормативных актов в области потребительского кредитования, которые бы полностью отражали его специфику [11, с. 31].

Как отмечает И.В. Сарнаков, существующие общие нормы банковского кредитования не учитывают специфику потребительского кредитования, а некоторые неточности в формулировании приводят к различному их толкованию и проблемам в правоприменительной практике. Подобная ситуация не отвечает современным потребностям в условиях неуклонно возрастающего объема предоставления кредитов физическим лицам (потребителям) [7, с. 24].

Следует отметить, что какая-либо нормативная правовая основа для правового регулирования потребительского кредитования отсутствует, поэтому остаются нерешенными ключевые вопросы, в частности, возможно ли применение норм законодательства о защите прав потребителей к отношениям потребительского кредитования; правомерно ли взимание дополнительных платежей (комиссий); возможна ли уступка права требования возврата кредита и уплаты процентов субъектам, не являющимся кредитными организациями и т. д.

По причине отсутствия в законодательстве понятие потребительского кредита также вызывает споры и дискуссии в юридической литературе. Под потребительским понимают кредит, назначение которого состоит в предоставлении населению денежных средств или товаров для удовлетворения потребительских нужд с последующим возмещением долга [9]. В экономико-правовом определении потребительский кредит представляет собой продукт, связанный с удовлетворением потребительских нужд населения, источником возврата которого являются доходы населения, основными ресурсами выступают сосредоточенные в банках вклады населения, а целью предоставления является получение прибыли [1, с. 21—24].

Однако в практике нередко используются такие категории как «потребительские цели» и «потребительские нужды», при этом зачастую на основании исключительно целевого предназначения, под которым подразумевается использование кредита на цели, не имеющие характера предпринимательской деятельности, понятие «потребительский кредит» используется как синоним понятия «кредит на потребительские цели».

С.А. Даниленко полагает, что потребительский кредит — это предоставление кредитными организациями денежных средств физическому лицу в целях удовлетворения личных, семейных,

бытовых, повседневных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, на условиях, установленных договором, где размер, сроки и иные условия определяются в зависимости от вида кредита (например, автокредит), его обеспеченности и т. д. [3, с. 123].

Отдельными авторами выделяются специфические признаки, присущие потребительскому кредиту [7, с. 44]:

1. Целевое назначение: полученный кредит должен быть использован исключительно на потребительские цели, к которым относятся приобретение товаров (работ, услуг) для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

2. Второй признак вытекает непосредственно из первого и неразрывно с ним связан. Его суть заключается в том, что получателем потребительского кредита может быть только физическое лицо — потребитель.

Таким образом, потребительский кредит от других видов банковского кредитования отличается тем, что носит исключительно потребительский характер (т.е. используется на непроизводственные цели) и предоставляется исключительно физическим лицам.

Примечательно, что в ст. 2 проекта Федерального закона «О потребительском кредитовании» [6] раскрыты основные понятия, среди которых можно выделить «потребительское кредитование», под которым понимают оказание финансовых услуг по предоставлению кредитными организациями (кредиторами) потребителям денежных средств на основании договоров потребительского кредита, а также оказание сопутствующих услуг.

Тем не менее, в данном проекте закона определение потребительского кредита отсутствует, однако в проекте, разработанном Министерством финансов РФ «О потребительском кредите» такое понятие включено.

В статье 3 данного проекта потребительским кредитом названы денежные средства, предоставленные заемщику кредитором (основная сумма долга) на основании договора потребительского кредита исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, в том числе в целях приобретения недвижимого имущества (ипотечный кредит) [8].

Данное определение в целом корреспондирует тому, которые сформулировали еще в 2000 году Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин, А.М. Экмалян: «кредит - это денежные средства или другие вещи, определенные родовыми признаками, передаваемые (либо предназна-

ченные к передаче) в процессе кредитования в собственность другой стороне в размере и на условиях, предусмотренных договором (кредитным, товарного или коммерческого кредита), в результате чего между сторонами возникают кредитные отношения» [10, с. 40—41].

Однако, следует отметить, что данный проект закона предложен Министерством финансов в 2012 году, и предложен только в комитеты Государственной Думы РФ, не получив официального номера и статуса законопроекта, поэтому неизвестно, когда в российском законодательстве появится определение потребительского кредита.

При этом важно отметить, что потребительский кредит — это средство удовлетворения потребительских нужд физического лица, а многообразие терминологических понятий потребительского кредита и потребительского кредитования без их законодательного закрепления приводит к недопониманию физическими лицами самой сути данного вида кредитования, к разночтениям в правоприменительной и судебной практике, а отсутствие нормативных правовых норм, регулирующих в полной мере весь спектр взаимоотношений в области потребительского кредитования, ведет к материальным потерям как со стороны заемщиков, так и со стороны кредиторов, из-за пренебрежения и многократных нарушений, что, в свою очередь, увеличивает рост просроченной задолженности, а это впоследствии негативно сказывается на развитии данного вида банковских услуг [4, с. 35].

Полагаем необходимым в законе «О потребительском кредитовании» закрепить понятие потребительского кредита, под которым стоит понимать денежные средства, предоставляемые банком физическому лицу для покупки товаров или оплаты услуг, необходимых для удовлетворения личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, на условиях возвратности, возмездности, срочности.

Список литературы:

1. Быстров С.А., Полищук А.И. Точная модель потребительского кредита // Финансы и кредит. 2009. № 5. С. 21—24.
2. Даниленко С.А., Комиссарова М.В. Банковское потребительское кредитование: учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2011. 384 с.
3. Даниленко С.А. Потребительский кредит: порядок предоставления и последствия невозврата // Хозяйство и право. 2009. № 4. С. 123.
4. Демченко С.С. Правовое регулирование потребительского кредитования в России в современный период // Адвокат. 2012. № 4. С. 32—43.

5. Заявление Правительства РФ № 1472п-П13, Банка России № 01-001/1280 от 05.04.2011 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» // Вестник Банка России, № 21, 20.04.2011.
6. Проект от 5 декабря 2008 г. № 136312-5 Федерального закона «О потребительском кредитовании» // Официальный сайт Государственной Думы РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.duma.gov.ru> (Дата обращения 01.07.2013).
7. Сарнаков И.В. Потребительское кредитование в России: теория, практика, законодательство. М.: Юриспруденция, 2010. 232 с.
8. СПС КонсультантПлюс / Раздел «Законопроекты» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения 29.06.2013).
9. Сравни.ру — сервис выбора банковских и страховых услуг. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.sravni.ru (Дата обращения 28.06.2013).
10. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право России: понятийный аппарат и словарь нормативных терминов: Учебно-практическое пособие / Под ред. А.М. Экмаляна. М., 2000. С. 40—41.
11. Турбанов А.В. Правовые проблемы потребительского кредитования // Банковское право, 2008, № 1.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ
И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН
ПРИ ИХ ПРИМЕНЕНИИ**

Самойлова Валентина Владимировна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры Финансового права
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения, Высшего профессионального образования,
Московский государственный Университет
Экономики Статистики и Информатики
г. Москва
E-mail: ysamoilova@mesi.ru*

**SOME ASPECTS OF ASSISTED REPRODUCTIVE
TECHNOLOGIES AND ENSURE THE RIGHTS
OF CITIZENS OF THEIR APPLICATION**

Samoilova Valentina

*PhD, Associate Professor of Finance Law, Federal State Educational
Establishment of the budget Higher Vocational Education Moscow State
University Economics Statistics and Informatics Moscow*

АННОТАЦИЯ

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [15] вступил в силу 25 июня 2012 года, который урегулировал особенности применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации и предусмотрел некоторые особенности применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации. Закон указывает на отдельные элементы договорных отношений в суррогатном материнстве, которые подробно не урегулированы действующим законодательством. Проблемам договорных отношений, являющихся основанием для применения вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе договорам о суррогатном материнстве, посвящена настоящая статья.

ABSTRACT

The Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ "On the basis of health protection in the Russian Federation" entered into force on 25 June 2012, which regulated the features of the application of assisted reproductive technologies in the Russian Federation, and has provided some of the features of the application of assisted reproductive technologies in the Russian Federation. The law specifies the individual elements of the contractual relationships in surrogacy, which are not regulated in detail by applicable law. The problems of contractual relationships that are the basis for the use of assisted reproductive technologies, including surrogacy contracts, the subject of this article.

Ключевые слова: семейное право; вспомогательные репродуктивные технологии; медицинские услуги; договор; суррогатное материнство.

Keywords: family law, assisted reproductive technology, medical services, the contract; surrogacy.

Часть 1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [15] предусматривает особенности применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации. Впервые на законодательном уровне дано определение вспомогательных репродуктивных технологий, которые представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства).

Сложным моментом является проблема определения, возникающих при применении действующих норм о ВРТ, проблема определения правового режима или правового положения эмбриона. Согласно ст. 2 Федерального закона от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» [14] эмбрион человека — это зародыш человека на стадии развития до восьми недель. В настоящее время законодатель не дает четкой формулировки на ряд существенных вопросов, таких как: правомерность отнесения эмбриона к субъекту или объекту правоотношений; право на эмбрион между супругами при расторжении брака; права доноров гамет и эмбрионов.

Еще одной важной новеллой закона стало определение суррогатного материнства и закрепление договорного характера отношений между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (ч. 9 ст. 55 Федерального Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [15]. В то же время договорные отношения в этой сфере не ограничиваются договором о суррогатном материнстве и практически не урегулированы законодательством, хотя такие договоры входят в предмет гражданского права и изучены наукой [11, с. 155—161; 10, с. 112—113; 13, с. 138—139].

По мнению Н.А. Ардашевой «медицинская услуга никак не может быть объектом вспомогательных репродуктивных технологий. Медицинская услуга представляет собой вид медицинской помощи гражданам, а ВРТ — это метод терапии бесплодия. Чтобы определить объект медицинской услуги, нужно ее конкретизировать. Если это консультация врача, то объектом будет факт установления диагноза или заключение о необходимости того или иного вида лечения. Если это диагностическое исследование, например забор крови, то объектом будет наличие в крови вирусов или отсутствие их» [1, с. 45—49].

Приказ Минздравсоцразвития РФ от 09.01.2007 № 5 «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным, нуждающимся в экстракорпоральном оплодотворении, культивировании и внутриматочном введении эмбриона при бесплодии трубного происхождения (при оказании высокотехнологичной помощи)» [9], Приказ Минздравсоцразвития РФ от 10.04.2006 № 265 «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным с женским бесплодием маточного происхождения и с женским бесплодием, связанным с отсутствием овуляции» [8] рассматривает названные процедуры в качестве медицинской услуги.

Законодательством США определено общее понятие договора в рассматриваемой сфере как соглашения о нетрадиционном зачатии ребенка.

О.Ю. Худяковой приводится пример: Верховный суд штата Делавэр при рассмотрении дела *Chambers v. Chambers* постановил, что лицо, заключившее соглашение о нетрадиционном зачатии ребенка с целью быть родителем ребенка и воспитать его как своего собственного, после рождения ребенка получает родительские права, обязанности и несет ответственность, предусмотренную законодатель-

ством, регулирующим семейные правоотношения, в том числе он несет обязанность выплачивать алименты на содержание ребенка [16].

Применение ВРТ, как осуществляемое исключительно с участием медицинских организаций, обладающих соответствующими лицензиями, подпадает под действие договорных отношений в сфере медицинских услуг в соответствии с главой 39 ГК РФ.

О.Б. Кожеурова, рассматривая вопрос о соотношении медицинских услуг и использование ВРТ, считает, что «результат искусственного оплодотворения и суррогатного материнства является объектом правоотношений по репродуктивным технологиям. Отличием данного вида обязательства от обязательства по оказанию иного вида услуг (например, образовательные услуги) состоит в том, что при использовании ВРТ овеществленный результат, т. е. ребенок, не может быть гарантирован, однако договор будет считаться исполненным (искусственное оплодотворение произведено, т. е. сторона исполнила свое условие договора). То же самое касается и суррогатного материнства. Объектом правоотношений по программе «суррогатное материнство» является предоставление услуги суррогатной матери по вынашиванию ребенка, зачатого в результате искусственного оплодотворения [4].

По мнению С.П. Журавлевой, «договор о суррогатном материнстве по своей правовой природе является многосторонней сделкой (договором), взаимным, консенсуальным, безвозмездным, свободным гражданско-правовым договором» [3, с. 9—10].

А.А. Пестрикова отмечает, что «будучи смешанным договором и подпадая под действие норм семейного и гражданского законодательства, договор являет собой новые отношения в рамках устоявшихся и общепринятых семейных отношений» [7, с. 111].

Если суррогатная мать остается анонимной, то целесообразно заключить договор:

- между суррогатной матерью и медицинским учреждением, где будут проводиться перенос эмбриона и дальнейшее наблюдение за протеканием беременности;
- между этим медицинским учреждением и генетическими родителями.

Кроме бесплодной пары и суррогатной матери участниками договора могут быть супруг суррогатной матери, врач, который должен провести операцию по искусственному оплодотворению, акушер, психиатр и психолог» [2].

Услуги медицинских работников не являются самостоятельными видами услуг, т. к. стороной, оказывающей такого рода услуги,

является медицинская организация, а в договоре стороны могут указать то физическое лицо — врача, психолога, акушера, которые непосредственно будут оказывать услуги, но самостоятельной стороной в договоре они от этого не становятся.

Е.С. Митрякова предлагает законодателю «принять во внимание бесспорное сходство договора о суррогатном материнстве с договором возмездного оказания услуг и включить его в перечень договоров, на которые распространяется действие главы 39 Гражданского кодекса РФ» [6, с. 81].

Соглашаясь с мнением А.А. Пестриковой, которая считает, что «договор, заключаемый между суррогатной матерью и супругами, регулирует два типа отношений, возникающих между ними: неимущественные и связанные с ними имущественные (речь идет только о возмездных договорах), следует отметить, что правовое регулирование этих отношений должно быть различным [7].

Определяя систему договорных отношений по применению ВРТ при реализации репродуктивных прав, необходимо отметить основную цель (направленность) таких договоров — возникновение родительских правоотношений между заказчиками и ребенком, как генетически и биологически происходящим от заказчиков (одного из них), так и не являющимся таковым. Предлагается выделить следующие виды договоров по признаку субъектного состава и критериев получения генетического материала:

- договоры заказчиков с физическими лицами, использование генетического материала которых или предоставление которыми услуги по вынашиванию и рождению ребенка, создают для заказчиков родительские правоотношения с рожденными в результате применения таких методов ребенком (договоры суррогатного материнства, договоры с донорами). Данные договоры по своей природе с точки зрения гражданского права является непоименованными и имеют полиотраслевой характер;

- договоры об оказании медицинских услуг с медицинской организацией, с помощью услуг которых и применения ВРТ, женщина-заказчик получает возможность вынашивания и рождения ребенка, являющегося генетически и биологически ребенком заказчиков, либо на основании генетического материала других или услуг суррогатной матери, за которые отвечает медицинская организация и в результате использования которых возникают родительские отношения. Данные договоры носят гражданско-правовой характер;

- сочетание элементов договоров, включающих в себя соглашение с медицинской организацией об оказании медицинских услуг с использованием ВРТ и другими лицами, генетический материал или услуги по вынашиванию и рождению ребенка которых используется и представляющих собой смешанные полиотраслевые договоры.

Подводя итог, следует указать на необходимость принятия единого закона, регулирующего вспомогательные методы репродукции, который должен определить основные понятия, закрепить базовые принципы в области вспомогательной репродукции, установить круг методов вспомогательной репродукции, либо критерии, по которым тот или иной метод терапии бесплодия можно отнести к вспомогательной репродукции, установить основы договорного регулирования отношений между медицинской организацией и лицами, для лечения которых эти методы применяются, определить правовое положение доноров в сфере вспомогательной репродукции, порядок и формы ответственности медицинской организации, способы и формы защиты прав граждан в указанной сфере [12, с. 7—10; 5, с. 16—20].

Список литературы:

1. Ардашева Н.А. Вспомогательные репродуктивные технологии как объект медицинской услуги // Медицинское право. 2010. № 1. С. 45—49.
2. Дронова Ю.А. Что нужно знать о суррогатном материнстве // М.: Городец, 2007.
3. Журавлева С.П. «Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9—10.
4. Кожеурова О.Б. Необходимы ли вспомогательные репродуктивные технологии в наши дни // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6. Ч. 1. С. 99—101.
5. Лебедева О.Ю. Некоторые проблемы правового регулирования вспомогательной репродукции в свете нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. 2012. № 2. С. 16—20.
6. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России. Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 81.
7. Пестрикова А.А. Обязательства суррогатного материнства. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 111.

8. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 10.04.2006 № 265 «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным с женским бесплодием маточного происхождения и с женским бесплодием, связанным с отсутствием овуляции»// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rudocctor.net/medicine/bz-sw/med-rmgek.htm>// дата обращения на сайт — 18.10.2009 г.
9. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 09.01.2007 № 5 «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным, нуждающимся в экстракорпоральном оплодотворении, культивировании и внутриматочном введении эмбриона при бесплодии трубного происхождения (при оказании высокотехнологичной помощи)»// «Российская газета», № 31, 14.02.2007.
10. Рузакова О.А. Семейное право. М. «Эксмо», 2010. С. 112—113.
11. Самойлова В.А. Проблемы суррогатного материнства в Российской Федерации//Право и образование. 2009. № 12, с. 155—161.
12. Самойлова В.В. Российское и зарубежное семейное законодательство о применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 7—10.
13. Семейное право. Учебник. Под ред. П.В. Крашенинникова, М. «Статут», 2010, с. 138—139.
14. Федерального закона от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»//Собрание законодательства РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.
15. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// «Российская газета», № 263, 23.11.2011.
16. Худякова О.Ю. Правила установления материнства и отцовства детей, зачатых и рожденных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (по законодательству США)//Медицинское право. 2009. № 2.

СЕКЦИЯ 5.

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И РАСПОЛОЖЕННЫХ В МЕСТАХ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Крылатова Наталья Владимировна

специалист,

*Волгоградский институт экономики, социологии и права
г. Волгоград*

E-mail: Natalya.Krylatova@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF LAND PLOTS WHICH ARE IN STATE AND MUNICIPAL OWNERSHIP AND LOCATED IN THE PLACES OF PERSPECTIVE DEVELOPMENT OFF TERRITORIES

Krylatova Natalya Vladimirovna

specialist, Volgograd Institute of Economics, sociology and law, Volgograd

АННОТАЦИЯ

Российская Федерация — самое богатое государство по количеству и разнообразию природных ресурсов, а именно: земли. В связи с этим представляется вполне логичным осуществление органами прокуратуры РФ надзора в сфере землепользования. Однако до настоящего времени отсутствует правовая регламентация земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности и расположенных в местах перспективного развития территорий и входящих в надзор прокуратуры в обозна-

ченной сфере. Данная статья посвящена рассмотрению указанного вопроса с использованием практики органов прокуратуры.

ABSTRACT

The Russian Federation is the richest state in the number and variety of natural resources, namely land. In this regard, it seems quite logical implementation of the bodies of the Prosecutor's office of supervision in the sphere of land use. However, to date there is no legal regulation of land plots in state and municipal ownership and located in the places of perspective development of territories and included in the supervision of the prosecution in the mentioned sphere. This article is devoted to consideration of the given issue with the use of the practice of the prosecution.

Ключевые слова: земельные участки, перспективное развитие.

Keywords: land plots, perspective development.

Часть 1 статьи 7 Земельного кодекса Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень видов земель по целевому назначению [4], а именно:

1. Земли сельскохозяйственного назначения;
2. Земли населённых пунктов;
3. Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения;
4. Земли особо охраняемых территорий и объектов;
5. Земли лесного фонда;
6. Земли водного фонда;
7. Земли запаса.

Права на данные категории земель или их отдельные участки возникают у участников земельных правоотношений (граждан, юридических лиц, Российской Федерации, её субъектов и муниципальных образований) в соответствии с федеральным законодательством и законами субъектов Российской Федерации.

Государственный контроль за соблюдением земельного законодательства организациями независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, их руководителями, должностными лицами, а также гражданами [1, с. 292] выполняют как специально уполномоченные государственные органы, так и правоохранительные органы, в частности, органы прокуратуры.

Последние осуществляют надзор за исполнением федерального законодательства в сфере землепользования в порядке, предусмотренном частью 1 статьи 21 Федерального закона «О прокуратуре

Российской Федерации» [7], и во исполнение поручений Президента Российской Федерации, как, например, это было сделано в 2011—2012 годах.

31 октября 2011 года Президент РФ Медведев Д.А. подписал перечень поручений по итогам встречи с активом партии «Единая Россия» и Общественным комитетом сторонников по теме «Транспорт». В пункте 6 Генеральной прокуратуре было поручено организовать системную работу по недопущению злоупотреблений при распоряжении земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности и расположенными в местах перспективного развития территорий [5, с. 278], что впоследствии, как следует из официальной информации сайта Президента России, исполнили [6].

Генеральная прокуратура и её территориальные подразделения в истёкшем 2012 году в рамках поручения Президента РФ также продолжили реализацию мероприятий, направленных на недопущение злоупотреблений при распоряжении указанным видом земельных участков, и выявили более 18 тысяч нарушений, для устранения которых внесено 6,1 тысяча представлений, на незаконные правовые акты принесено 2,4 тысячи протестов, в суды направлено около 1,5 тысяч исковых заявлений [2].

Однако следует отметить, что в федеральном законодательстве отсутствует легальное определение «земельный участок, находящийся в государственной и муниципальной собственности и расположенный в местах перспективного развития территорий».

Учитывая изложенное и сложившуюся практику в области землепользования, прокурорский надзор в сфере земельного законодательства в части распоряжения такими земельными участками основывается, как правило, на нормах отдельных нормативных правовых актов органов местного самоуправления или статей природоресурсного законодательства [5, с. 278].

Например, прокуратура Солонешенского района Алтайского края в ходе проверки в органах местного самоуправления изучила нормативные правовые акты в сфере землепользования и строительства на соответствие их требованиям земельного, градостроительного и иного природоресурсного законодательства Российской Федерации, а именно: схема территориального планирования муниципального образования «Солонешенский район», утвержденная решением Солонешенского районного Совета народных депутатов от 10.09.2008 № 59 «О схеме территориального планирования Солонешенского района Алтайского края» [3]. На основании утверждённой схемы в составе генеральных планов обозначены территории для перспектив-

ного развития: три земельных участка, в отношении которых принято решение об их включении в состав территорий перспективного развития (постановление губернатора Алтайского края от 24.06.2010 № 268 [3]; постановление губернатора Алтайского края от 17.03.2011 № 120 [3]; постановление губернатора Алтайского края № 122 от 17.03.2011 [3]), что, как показали результаты прокурорской проверки, не противоречит нормам федерального законодательства.

В Республике Алтай прокуратурой Турочакского района выявлены случаи злоупотреблений должностными лицами при распоряжении земельными участками, расположенными в местах перспективного развития территорий [2]: администрация данного муниципального образования в лице первого заместителя главы администрации приняла три постановления о предоставлении участков, сформированных за счёт муниципального образования, из земель особо охраняемых территорий [8] на правах аренды. Примечательно, что согласно статье 30 Земельного кодекса РФ и Решения Совета депутатов МО «Турочакский район» № 38-4 от 04.05.2012 [8] предоставление земельных участков гражданам для рекреационной деятельности осуществляется исключительно на торгах. В ходе проверки установлено, что трём жителям района данные участки земли для осуществления рекреационной деятельности на берегу реки Бия предоставлены без проведения торгов. По выявленным нарушениям 3 декабря 2012 года прокуратура Турочакского района опротестовала незаконные постановления [8].

Органами прокуратуры в Московской области оспорена неправомерная сделка отчуждения главой городского округа Химки участка, зарезервированного в целях перспективного развития международного аэропорта Шереметьево [2].

Подобные нарушения выявлены также в республиках Башкортостан, Калмыкия и иных регионах.

Из приведённых примеров следует, что под земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности и расположенными в местах перспективного развития территорий, можно понимать земельные участки рекреационного назначения, транспорта и т. п., несмотря на то, что перечень соответствующих видов земель по целевому назначению уже содержится в Земельном кодексе России.

В таком случае вполне логично предположить, что термин «земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности и расположенные в местах перспективного развития территорий» является не чем иным, как законодательно не закреплённой дефиницией, объединяющей отдельные виды земельных

участков по целевому назначению в рамках осуществляемого органами прокуратуры надзора в сфере землепользования во исполнение поручений Президента Российской Федерации.

Список литературы:

1. Всё о земельных отношениях: учеб.-практич. пособие. [под ред. С.А. Боголюбова]. М.: Проспект, 2013. 656 с.
2. Генпрокуратура России продолжает мероприятия, направленные на недопущение злоупотреблений при распоряжении земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности и расположенными в местах перспективного развития территорий [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-75220/> (дата обращения: 30.06.13).
3. Докладная записка Солонешенской прокуратуры Алтайского края о проведении проверки исполнения земельного и градостроительного законодательства при распоряжении земельными участками, находящимися в государственной и муниципальной собственности и расположенными в местах перспективного развития территорий за первое полугодие 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: admsln.narod.ru/doc/2012/zeml_and_grad.doc (дата обращения: 30.06.13).
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой Фед. Собр. Федерации 28 сент. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 окт. 2001 г. // Рос. газ. — 2001. — 30 октября.
5. Крылатова Н.В., Прокурорский надзор в сфере земельного законодательства: реалии и правовые перспективы // Правовое регулирование экономического и социального развития Российской Федерации: тезисы докл. междунар. конф. (Волгоград, 26—27 апр. 2012 г.) — Волгоград, 2012. — С. 275—279.
6. Об исполнении поручения Президента об организации работы по недопущению злоупотреблений при распоряжении земельными участками, находящимися в госсобственности и расположенных в местах перспективного развития территорий [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.kremlin.ru/assignments/15829> (дата обращения: 30.06.13).
7. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Рос. газ. — 1992. — 18 февраля.
8. Трое турочакских чиновников незаконно получили земли на берегу Бии без проведения торгов [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.listock.ru/26891> (дата обращения: 30.06.13).

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПОСТАНОВКЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАДАСТРОВЫЙ УЧЕТ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Федорова Ирина Анатольевна

*канд. юрид. наук, Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики,
Москва*

E-mail: IFedorova@mesi.ru

LEGAL PROBLEMS IN CADASTRAL REGISTRATION OF LAND PLOTS

Fedorova Irina

*candidate of juridical science, Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматриваются правовые проблемы постановки на кадастровый учет земельных участков, возникающие в связи с переходом прав собственности на земельный участок и отсутствием границ земельного участка, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации. Обоснована необходимость проведения землеустроительных работ с точным описанием геодезических координат земельного участка и внесении этих данных в кадастр объектов недвижимости.

ABSTRACT

This article examines the legal problems cadastral registration of land plots, arising in connection with the transfer of ownership of the land and the lack of land borders established in accordance with the legislation of the Russian Federation. The necessity of making land management with an accurate description of the geodetic coordinates of the land and making the data in the inventory of real estate.

Ключевые слова: земельный участок, недвижимость, собственность, кадастровый учет

Keywords: land, real estate, property, cadastral registration

Важнейшим признаком, которому должен отвечать земельный участок, для того чтобы он был признан недвижимостью и тем самым предметом сделок, является то, что земельный участок должен быть соответствующим образом индивидуализирован. Другими словами должны быть определены его размер, границы и местоположение. Территориальные границы земельного участка определяются в порядке, установленном земельным законодательством на основе документов, выдаваемых собственнику государственными органами по земельным ресурсам и землеустройству [1, с. 11]. Мероприятия по определению местоположения и границ земельного участка именуется межеванием [6, с. 38].

Собственники земельных участков, не изъятых из оборота и не ограниченных в обороте (например, земли сельскохозяйственного назначения), согласно Земельному кодексу РФ и Гражданскому кодексу РФ вправе распоряжаться этими участками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц. Однако объектом сделок могут быть только те земельные участки, которые прошли государственный кадастровый учет. Данная формулировка не означает, что земельный участок обязательно прошел межевание и был приведен в соответствие с земельным законодательством, а лишь то, что выданные ранее документы о праве собственности на землю должны быть обновлены и содержать кадастровый номер земельного участка.

Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» государственным кадастровым учетом недвижимого имущества признаются действия уполномоченного органа по внесению в государственный кадастр недвижимости сведений о недвижимом имуществе, которые подтверждают существование такого недвижимого имущества с характеристиками, позволяющими определить такое недвижимое имущество в качестве индивидуально-определенной вещи (уникальные характеристики объекта недвижимости), или подтверждают прекращение существования такого недвижимого имущества, а также иных предусмотренных Федеральным законом «О государственном кадастре недвижимости» сведений о недвижимом имуществе [6, с. 1]. Таким образом, государственный кадастровый учет земельных участков представляет собой систематизированный свод документированных сведений об объектах государственного кадастрового учета, о правовом режиме земель и т. д.

Органом, в функции которого входит ведение государственного кадастрового учета земельных участков, в настоящее время является Федеральное Государственное бюджетное учреждение Федеральная

кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Помимо ведения государственного кадастра земельных участков указанная служба также осуществляет следующие основные виды деятельности:

- ведение государственного кадастра недвижимости;
- государственный кадастровый учет недвижимого имущества;
- предоставление сведений, внесенных в государственный кадастр недвижимости;
- определение кадастровой стоимости вновь учтенных объектов недвижимости и объектов недвижимости, в отношении которых произошло изменение их количественных и (или) качественных характеристик;
- прием документов для проведения государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и выдачу документов по результатам исполнения указанной государственной услуги;
- прием документов для предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, и выдачу документов по результатам исполнения указанной государственной услуги;
- осуществление кадастрового деления территории Российской Федерации на кадастровые районы и кадастровые кварталы;
- предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним [3].

Итоговым документом, подтверждающим проведение кадастрового учета конкретного земельного участка, является кадастровый паспорт земельного участка, содержащая графические и текстовые формы воспроизведения сведений, содержащихся в государственном кадастре объектов недвижимости, а именно: кадастровый номер земельного участка; адрес земельного участка; площадь участка; категория земель и разрешенное использование земельного участка; описание границ участка и их отдельных частей; качественные характеристики участка; наличие на земельном участке объектов недвижимого имущества (зданий, строений, сооружений); зарегистрированные вещные права на земельный участок; ограничения (обременения) прав на земельный участок, зарегистрированные в установленном порядке [4].

Каждый земельный участок, сведения о котором внесены в государственный кадастр недвижимости, имеет не повторяющийся во времени и на территории Российской Федерации государственный учетный номер (кадастровый номер). В целях присвоения объектам

недвижимости кадастровых номеров орган кадастрового учета осуществляет кадастровое деление территории Российской Федерации на кадастровые округа, кадастровые районы и кадастровые кварталы. При установлении или изменении единиц кадастрового деления территории Российской Федерации соответствующие сведения вносятся в государственный кадастр недвижимости на основании правовых актов органа кадастрового учета.

Порядок кадастрового деления территории Российской Федерации, а также порядок присвоения объектам недвижимости кадастровых номеров устанавливается органом нормативно-правового регулирования в сфере кадастровых отношений в соответствии с Правилами кадастрового деления территории Российской Федерации [5] и Правилами присвоения кадастровых номеров земельным участкам [5].

Земельное законодательство не обязывает проводить мероприятия по межеванию земельного участка, а только лишь присвоить кадастровый номер. В связи с этим нередко возникает проблема, связанная с определением места расположения земельного участка по факту. При продаже (или иной смене собственника) земельного участка его границы не были приведены в соответствие с земельным законодательством. Новый владелец может и не знать в каких границах располагается купленный им земельный участок. Данный факт влечет за собой множество нежелательных последствий.

При постановке на кадастровый учет новым владельцем, нередко возникают спорные вопросы со смежными землевладельцами, так как при проведении кадастровых работ и последующем перенесении результатов работ в бумажный вариант возможны наложения на границы смежных земельных участков. В связи, с чем владельцам смежных участков при постановке на кадастровый учет и проведении межевания придется доказывать в суде не правомерность данных действий, а обязанность по «перепривязке», то есть изменению границ в кадастровом паспорте земельного участка возлагается на нового владельца земельного участка, который в свою очередь приобрел лишь кадастровый номер, а не поставленный на кадастровый учет в соответствии с земельным законодательством земельный участок.

В связи с этим одним из очевидных способов выхода из данной ситуации является постановка на кадастровый учет земельного участка с обязательным проведением мероприятий по межеванию земельного участка, то есть определению границ земельного участка, с установкой межевых знаков.

Представляется, что постановка на кадастровый учет земельного участка в целом для государства имеет несомненно важное значение,

так как все еще определенная доля владельцев земельных участков имеют документы на право собственности датированные 1991—1997 годами, кадастровый номер земельному участку не присваивался (а лишь условный), что не давало в должной мере взимать налоги и определять кадастровую стоимость земельных участков, так как при определении кадастровой стоимости уточняется количество земельных участков в определенном кадастровом квартале. Но, тем не менее, данный факт уменьшит количество обращений в суды для разбирательства по вопросам определения границ земельных участков [7, с. 175]. Кроме того, планируемое введение нового налога на недвижимость основано на данных кадастрового учета, размерах, границах, и кадастровой стоимости, параметры которой также вызывают немало разногласий с органами власти.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 08.04.2013, № 14, ст. 1663.
2. Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 01.09.2011 № П/331 «О переименовании федерального бюджетного учреждения «Кадастровая палата» по Москве в федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии»// документ не опубликован// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (Дата обращения 04.07.13).
3. Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 24.01.2013 № П/15 «О внесении изменений в Устав федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии»// документ не опубликован // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (Дата обращения 04.07.13).
4. 4.Приказ Министерства экономического развития России от 28.12.2012 № 831 «Об утверждении форм кадастровых паспортов здания, сооружения, объекта незавершенного строительства, помещения, земельного участка, кадастровых выписок о земельном участке, о здании, сооружении, объекте незавершенного строительства и кадастрового плана территории»// «Российская газета», № 112, 28.05.2013.
5. Приказ Министерства экономического развития России от 04.04.2011 № 144 «Об утверждении Порядка кадастрового деления территории Российской Федерации и Порядка присвоения объектам недвижимости кадастровых номеров» // «Российская газета», № 107, 20.05.2011.

6. Федеральный Закон «О государственном кадастре недвижимости» от 24.07.2007 № 221 // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.07.2007, № 31, ст. 4017.
7. Федорова И.А. Инновации в системе предоставления государственных услуг: регистрация прав на недвижимое имущество. // Сборник материалов II МНПК «Социально-экономическое развитие регионов России». МЭСИ, 2012.

СЕКЦИЯ 6.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

НЕДОСТАТКИ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зубарев Андрей Сергеевич

*специалист правового управления администрации
городского округа город Воронеж,
г. Воронеж*

E-mail: 1985zubarev@mail.ru

DISADVANTAGES OF PRACTICE IMPLEMENTATION PARLIAMENTARY INVESTIGATIONS FEDERAL ASSEMBLY OF RUSSIAN FEDERATION

Zubarev Andrey

*specialist legal department of the administration of city district
of Voronezh, Voronezh*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу практики реализации парламентских расследований Федеральным Собранием Российской Федерации. В результате анализа выявлены негативные явления в предмете и рекомендациях итоговых докладов по результатам расследования. С целью устранения выявленных негативных явлений предлагается на законодательном уровне установить обязательные требования к содержанию итогового доклада и его рекомендациям.

ABSTRACT

This article analyzes the practice of the parliamentary investigation by the Federal Assembly of the Russian Federation. The analysis revealed

negative aspects of the subject and the recommendations of the final report on the results of the investigation. In order to address the identified adverse events offered at the legislative level to establish mandatory requirements for the content of the final report and its recommendations

Ключевые слова: парламент; парламентского контроля; форм парламентского контроля; парламентского расследования; итоговый доклад комиссии.

Keywords: parliament; parliamentary control; forms of parliamentary control; parliamentary investigation; final report of the commission.

Парламентское расследование является единственной формой парламентского контроля закрепленной на уровне отдельного нормативно-правового акта — Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» [4]. Закон устанавливает не только материально-правовые положения, характеризующие содержание указанного правового института, но и регламентирует процедуры его проведения, в отличие от других контрольных форм.

Впервые совместное парламентское расследование палат Федерального Собрания было инициировано до принятия федерального закона и вызвано террористическим актом в г. Беслане в сентябре 2004 года [2]. Второе и последнее парламентское расследование было принято спустя пять лет и вызвано чрезвычайной ситуацией техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года [3]. Анализ текстов итоговых докладов, а также актов по расследованию органов исполнительной власти и их сравнение между собой, позволил выявить недостатки применения указанной формы контроля и предложить изменения в действующее законодательство.

Один из главных недостатков связан с предметом расследования. В процессе расследования террористического акта в г. Беслане в предмет расследования включались действия органов публичной власти всех уровней по предупреждению террористических актов, действий в процессе ликвидации, а также устранения последствий террористического акта. По результатам расследования действиям (бездействиям) органов публичной власти, учреждениям и должностным лицам, дана оценка со стороны комиссии. В ходе расследования аварии на СШГЭС парламентская комиссия практически не рассматривала действия органов публичной власти по предотвращению аварии, кроме того не была дана оценка их действиям (бездействиям).

При этом акцент расследования был смещен в сторону анализа технических причин и обстоятельств аварии, деятельности юридических лиц, что уже составляло предмет расследования органов исполнительной власти [1]. Одной из причин указанного явления послужила смена целей деятельности парламентской комиссии. Одной из целей парламентской комиссии по Беслану было проанализировать действия органов публичной власти, а целью комиссии по расследованию аварии на СШГЭС ограничился анализом действий организаций и должностных лиц. Парламентской комиссией по расследованию аварии на СШГЭС не анализировалась деятельность органов исполнительной власти по контролю и недопущению аварии.

Таким образом, предмет парламентского расследования и результаты расследования, фиксируемые в итоговом докладе, зависят непосредственно от целей установленных комиссией самостоятельно в процессе расследования.

С целью предотвращения расхождения между целями расследования определенными в Федеральном законе и целями сформированными комиссией в ходе расследования, необходимо внести изменения в законодательство, которые, будут устанавливать обязательные требования к содержанию итогового доклада парламентской комиссии направленные именно на реализацию контрольной функции парламента за органами публичной власти. На основании анализа текстов докладов предлагается на законодательном уровне установить следующие императивные требования к содержанию итогового доклада, так доклад должен содержать следующие сведения: а) выводы о причинах возникновения событий, послуживших основанием для проведения парламентского расследования; б) данные о мерах принятых органами публичной власти и их должностными лицами по предотвращению, ликвидации, устранению последствий фактов и обстоятельств, послуживших основанием для расследования и их оценка парламентской комиссией; в) рекомендации направленные на устранение причин и последствий событий, послуживших основанием для проведения парламентского расследования.

Вторая группа недостатков связана с рекомендациями, содержащимися в итоговых докладах. Итоговые доклады содержат два вида рекомендаций не имеющие конкретного адресата: а) рекомендации, адресованные неопределенному кругу субъектов; б) рекомендации, адресованные одновременно двум и более субъектам. Следовательно, их рассмотрение и реализация не может быть проконтролирована со стороны парламентариев.

Исходя из содержания рекомендаций, рекомендации делятся на следующие виды: 1) рекомендации по изменению текущего законодательства (нормативно-правовые рекомендации); 2) рекомендации по осуществлению мероприятий (организационно-правовые рекомендации) которые включают в себя административные, идеологические, социальные, экономические, кадровой меры и т. п.

Вторая группа рекомендаций содержит следующие негативные явления: 1) многие рекомендации не имеют конкретного содержания, т. е. рекомендации направлены на очень широкую сферу деятельности, а не на конкретные действия которые могли бы быть проконтролированы парламентариями; 2) рекомендации не относятся к компетенции лиц, которым они направляются, в связи, с чем возникают парадоксальные ситуации, когда Правительству РФ направляются рекомендации, относящиеся к компетенции Президента РФ.

Предлагается устранить выше перечисленные негативные явления по средствам законодательного закрепления обязательных требований к рекомендациям: а) содержать сроки рассмотрения; б) адресованы конкретному должностному лицу; в) должна быть направлена должностному лицу, к компетенции которого относится рассмотрение рекомендации по существу. Кроме того на законодательном уровне предлагается закрепить обязанность должностных лиц отчитываться о результатах рассмотрения и реализации рекомендаций, а также право палат ставить вопрос об отставке должностных лиц по результатам рассмотрения отчетов.

Список литературы:

1. Акт технического расследования причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС произошедшей 17 августа 2009 года в филиале Открытого Акционерного Общества «РусГидро» — «Саяно-Шушенская ГЭС имени П. С. Непорожного» / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Акт_технического_расследования_причин_аварии_на_Саяно-Шушенской_ГЭС_17_августа_2009_года (Дата обращения 26.06.2013).
2. Доклад Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств совершения террористического акта в городе Беслане Республики Северная Осетия — Алания 1—3 сентября 2004 года. / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravdabeslana.ru/dokladtorshina221206.htm> (Дата обращения 26.06.2013).

3. Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с возникновением чрезвычайной ситуации техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года. /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.plotina.net/documents/sshges-doklad/> (Дата обращения 26.06.2013).
4. Федеральный закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 7; 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 40; 2011. № 1. Ст. 16; 2013. № 19. Ст. 2315.1.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРАВА НА ДОСТУП
К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Коновалов Алексей Олегович

*аспирант кафедры конституционного и муниципального права,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ Сибирский институт управления,
г. Новосибирск
E-mail: Konovalov.ao@yandex.ru*

**PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL
LAW TO JUDICIAL PROTECTION
OF THE RIGHT TO INFORMATION
ON THE ACTIVITIES OF COURTS
(ON THE MATERIALS OF NOVOSIBIRSK REGION)**

Konovalov Alexey

*graduate student of constitutional and municipal law, Siberian branch of
the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование действующего законодательства, регулирующего правовые отношения, связанные с реализацией конституционного права на судебную защиту нарушенного права на доступ к информации о деятельности судов и установленного порядка его реализации, проводится анализ сложившейся практики судов общей юрисдикции, действующих на территории Новосибирской области, а также формируются предложения, направленные на совершенствование действующего материального и процессуального законодательства.

ABSTRACT

The article presents an analysis of current legislation regulating legal relations connected with exercising of the constitutional right to judicial protection of violated rights of access to information on the activities of

courts and of the established procedure of its implementation, is carried out the analysis of existing practice of courts of General jurisdiction, acting on the territory of the Novosibirsk region, and also made proposals aimed at improving the existing substantive and procedural legislation.

Ключевые слова: доступ к информации; суд; Конституция; право на защиту.

Keywords: access to information; the court; the Constitution; the right to protection.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что одним из неотъемлемых и фундаментальных элементов современной российской государственности выступает открытая и прозрачная судебная система. При этом можно справедливо утверждать, что достаточно длительный процесс складывания подобного рода судебной системы в Российской Федерации, с точки зрения позитивного права, завершился принятием Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [10].

С момента принятия указанного федерального закона прошло уже более четырех с половиной лет, в связи с чем можно смело подвести некоторые итоги и сделать определенные выводы о его реализации и сложившейся практике применения.

Для начала следует определиться с тем, что же, собственно, понимается под информацией о деятельности судов. Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» под информацией о деятельности судов современное российское законодательство подразумевает «информацию, подготовленную в пределах своих полномочий судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества либо поступившая в суды, Судебный департамент, органы Судебного департамента, органы судейского сообщества и относящаяся к деятельности судов; законодательство Российской Федерации, устанавливающее порядок судопроизводства, полномочия и порядок деятельности судов, Судебного департамента, органов Судебного департамента, органов судейского сообщества, судебные акты по конкретным делам и иные акты, регулирующие вопросы деятельности судов, также относящаяся к информации о деятельности судов» [10].

С позиции законодателя нормативное закрепление понятия «информации о деятельности судов», требований к ее открытости

и доступности, должно способствовать повышению беспристрастности и справедливости судебного разбирательства, с одной стороны, и, в конечном счете, ключевым элементом для повышения доверия общества к институту судебной власти в целом.

В этой связи установление эффективного и действенного механизма защиты права на доступ к информации о деятельности судов приобретает особую роль, показывая тем самым реальные намерения не только на декларирование, но и его реальную гарантию со стороны государства.

Существуют три основных способа защиты нарушенного права: административный контроль, прокурорский надзор и судебный механизм. При этом преимущество судебного порядка защиты является очевидным: суд независим и подчиняется только закону, не связан никакими номенклатурными интересами, а сами судьи, как правило, более компетентны в вопросах действующего законодательства. Кроме того, в рамках судебного способа защиты, процедура защиты формализована и четко регламентирована процессуальным законом, который обеспечивает гласность, публичность разбирательства, личное участие заинтересованных лиц.

Правовую основу судебного способа защиты составляет ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, предусматривающая возможность самозащиты нарушенных прав, то есть возможность лично защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а также ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, устанавливающая право на обжалование в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц [3]. Таким образом, возможность судебной защиты права на доступ к информации о деятельности судов напрямую устанавливается и гарантируется непосредственно Конституцией РФ.

Согласно ст. 1 Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями (решениями) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы [2].

В соответствии с п. 3 ст. 8 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» пользователь информацией о деятельности судов вправе обжаловать в установленном законом

порядке действия (бездействие) должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации о деятельности судов и установленный порядок его реализации [10].

Согласно ст. 24 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» решения и действия (бездействие) должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации о деятельности судов, могут быть обжалованы в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [10].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, изложенных в Постановлении от 10.02.2009 № 2 «к решениям относятся акты должностных лиц судов, Судебного департамента, его органов, органов судейского сообщества либо иных органов и должностных лиц, содержащие властное волеизъявление, порождающее правовые последствия для конкретных граждан и организаций... К действиям относится властное волеизъявление названных лиц, которое не облечено в форму решения, но повлекло нарушение прав и свобод граждан и организаций или создало препятствия к их осуществлению. Например, к действиям может быть отнесен устный отказ в предоставлении информации о деятельности судов по запросу. К бездействию относится неисполнение должностным лицом обязанности, возложенной на них нормативными правовыми и иными актами, определяющими полномочия этих лиц (должностными инструкциями, положениями, регламентами, приказами). К бездействию, в частности, относится нерассмотрение запроса пользователя информации уполномоченным лицом» [8].

Исходя из системного толкования указанных правовых норм, а также положений действующего процессуального законодательства, следует, что порядок реализации права на обжалование действия и бездействий лиц, которые нарушают право на доступ к информации о деятельности судов и установленный порядок его реализации, регламентирована главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации («Производство по делам об оспаривании решений, действий (бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих») [1].

Вместе с тем, судебная практика в Новосибирской области идет по иному пути толкования действующего законодательства. Показательны следующие примеры. Пользователем информацией (физическим лицом) было обжалован неправомерный (по его мнению) отказ в предоставлении информации о деятельности суда, подпи-

санный судьей Ордынского районного суда Новосибирской области Грушко Е.Г. Заявление было подано в порядке Главы 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации по месту жительства заявителя — в Бердский городской суд Новосибирской области [1].

Определением Бердского городского суда от 12.12.2012 в принятии к производству заявления было отказано, при этом в обосновании суд указал, что «жалоба на действия судьи, отказавшего в запросе информации о деятельности судов, не может быть подана в порядке глав 23, 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку для обжалования действий судьи предусмотрен иной порядок обжалования, в связи с тем, что на судью распространяются гарантии, установленные законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации», вследствие чего он не может быть отнесен к категории должностных лиц, чьи действия могут быть обжалованы в порядке главы 25 ГПК РФ» [4].

Следует обратить внимание на то, что в определении Бердского городского суда от 12.12.2012 не содержалось указания на то, в каком именно «ином» порядке заявителю следовало обжаловать отказ в предоставлении информации.

На данный судебный акт в Новосибирский областной суд была подана частная жалоба, однако Определением от 17.01.2013 по делу № 33-622/2013 (33-9950/2012) Определение суда первой инстанции было оставлено без изменения. При этом Новосибирским областным судом в своем судебном акте было указано, что «ни Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», ни иные нормативные акты не возлагают на судью обязанности по выполнению предписаний указанного закона» [5].

Также апелляционной инстанцией было отмечено, что «не предусмотрен ни одним законом в настоящее время порядок рассмотрения жалоб на действия судьи, выразившиеся в подготовке ответа на запрос о предоставлении информации о деятельности судов, в том числе не предусматривает такую возможность глава 25 ГПК РФ» [5].

Во втором случае, в порядке Главы 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации пользователем информацией (физическим лицом) обжаловался отказ в предоставлении информации председателем Дзержинского районного суда города Новосибирска, при этом заявление было направлено по подсудности в Советский районный суд города Новосибирска. Определением Советского районного суда города Новосибирска от 26.12.2012 в принятии заявления к производству также было отказано [6],

определение было оставлено судом апелляционной инстанции без изменения по аналогичным основаниям.

Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 2 судья отказывает в принятии заявления на основании статьи 248 или пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ в случаях, когда заявление подлежит рассмотрению и разрешению в ином судебном порядке, то есть рассмотрение заявления неподведомственно суду общей юрисдикции либо заявление подлежит рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях, а также в порядке апелляционного, кассационного или надзорного производства; судья не вправе отказать в принятии заявления, если установит, что данное заявление подлежит рассмотрению и разрешению в ином виде гражданского судопроизводства, в этом случае судья оставляет заявление без движения и разъясняет заявителю необходимость оформления заявления с соблюдением требований ГПК РФ, либо, если рассмотрение и разрешение заявленных требований неподсудно данному суду, заявление возвращается заявителю [8].

Вопреки требованиям вышеуказанного постановления, ни Бердский городской суд Новосибирской области, ни Советский районный суд города Новосибирска не указали в своих судебных актах на нарушение подведомственности, а также на нормы закона, согласно которым рассмотрение дела об оспаривании данного решения, действия (бездействия) должностного лица суда должно осуществляться в ином судебном порядке, причем, не в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме того, из иных существующих видов судопроизводство (административное, уголовное, конституционное) ни одно в данном конкретном случае применено быть не могло.

Таким образом, согласно правовой позиции Новосибирского областного суда, нарушение права на доступ к информации о деятельности судов со стороны должностного лица — федерального судьи либо председателя суда — не подлежит защите в судебном порядке в соответствии с Главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, при этом указывая на то, в каком «ином» порядке должно было быть рассмотрено заявление пользователя информацией о нарушении права на доступ к информации о деятельности судов и установленного порядка его реализации.

В соответствии с п. 5 ст. 4 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» должностное лицо — лицо, постоянно, временно или по специальному

полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления [11].

В соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 2 «к должностным лицам, решения, действия (бездействие) которых могут быть оспорены по правилам главы 25 ГПК РФ, следует относить лиц, постоянно, временно, в том числе по специальному полномочию, выступающих от имени федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов, а также лица, замещающие государственные должности Российской Федерации (должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов)» [8].

Таким образом, анализ указанных правовых норм и разъяснений Верховного суда Российской Федерации приводит к выводу о том, что судья районного суда, уполномоченный председателем суда ответить на запрос о предоставлении информации, по сути, выступает от имени государственного органа, не осуществляя при этом деятельность по отправлению правосудия. При этом он, наряду с осуществлением своих судебных полномочий, как и председатель суда, замещает государственную должность Российской Федерации (в соответствии с Указом Президента о государственных должностях Российской Федерации [8]) и, выступая от имени федерального органа государственной власти (по специальному полномочию), выполняет требования Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [10] в качестве должностного лица, подписавшего ответ на запрос.

Представляется, что действия судьи, направленные на реализацию полномочий по обеспечению доступа к информации о деятельности суда и не связанные с осуществлением функции правосудия по конкретному делу, могут быть обжалованы не иначе как в порядке, предусмотренном Главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1].

По общему правилу ответы на запросы пользователей информации подписываются либо председателями суда, либо судьями соответствующих судов, поэтому в случае иного толкования действующего законодательства заявитель лишается своего конституционного права на судебную защиту.

Таким образом, судебный способ защиты нарушенного права на доступ к информации о деятельности судов нельзя признать эффективным. Причиной тому являются как наличие пробелов в действующем законодательстве, так и особенности отечественной судебной системы, будь то отсутствие надлежащего механизма административного контроля, исключающего применение принципа «круговой поруки», традиции «закрытости» отечественной судебной системы, отсутствием единого правоприменительного подхода.

В этой связи статью 24 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ [10] представляется целесообразным изложить в следующей редакции:

«Статья 24. Защита права на доступ к информации о деятельности судов.

Решения и действия (бездействие) должностных лиц, судей, мировых судей, председателей судов не связанные с осуществлением правосудия по конкретным делам и нарушающие право на доступ к информации о деятельности судов и установленный порядок его реализации, могут быть обжалованы вышестоящему должностному лицу, руководителю вышестоящего судебного органа или в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих».

Внесение указанных изменений позволит устранить существующие расхождения в судебной практике и обеспечит эффективную реализацию гарантированного ст. 46 Конституции Российской Федерации права на судебную защиту [3].

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Закон РФ от 27.04.1993 № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» // Российская газета. 1003. № 89.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
4. Определение Бердского городского суда Новосибирской области от 12.12.2012 по материалу № М-1900/2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://berdsky.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=88249&delo_id=1540005 (дата обращения 01.07.2013).

5. Определение Новосибирского областного суда от 17.01.2013 по делу № 33-622/2013 (33-9950/2012). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=358736&delo_id=5 (дата обращения 01.07.2013).
6. Определение Советского районного суда Новосибирской области от 26.12.2012 по материалу № М-2803/2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=358736&delo_id=5 (дата обращения 01.07.2013).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.
8. Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.
9. Указ Президента РФ от 11.01.1995 № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. 1995. № 11—12.
10. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
11. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Таджиев Улугбек Зайнутдинович

*канд. юрид. наук,
докторант Национального университета Узбекистана,
г. Ташкент*

E-mail: utadjiev@gmail.com

LEGAL NATURE OF THE RIGHT TO GET PROFESSIONAL LEGAL AID

Tadjiev Ulugbek

*can. of jur. Science, doctorate candidate at National university of
Uzbekistan, Tashkent*

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей статьи является раскрытие правовой природы права на получение профессиональной юридической помощи. Для достижения поставленной цели использованы системно-структурные, проблемно-целевые, а также компаративистские методы научного познания. Результаты исследования направлены на дальнейшее совершенствование содержания и сущности права на получение профессиональной юридической помощи. Основными выводами работы являются обоснование необходимости научной классификации субъектов, оказывающих профессиональную юридическую помощь, а также выработки легальной дефиниции права на получение такой помощи.

ABSTRACT

The purpose of this article is to disclose the legal nature of the right to get professional legal aid. In order to achieve this goal are used system-structure, problem-purposeful and comparative methods of scientific cognition. Results of research are directed to the further development of content and essence of this constitutional right. The main conclusions of this work are the analysis of the necessity of scientific classification of the subjects that provide professional legal aid, and also the elaboration of the legal definition of the right to get such an aid.

Ключевые слова: право; конституция, юридическая помощь, адвокатура.

Keywords: right, constitution, legal aid, bar.

Реализации юридической нормы на получение профессиональной юридической помощи является неотъемлемой составной частью правовой системы любого демократического государства. Важной отличительной чертой права на получение профессиональной юридической помощи выступает его особая роль среди других основных прав и свобод личности. Будучи одним из них, оно одновременно является средством для осуществления других прав и свобод. В этом смысле право на получение профессиональной юридической помощи относится к правам — гарантиям. В частности, немислимо восстановление нарушенных или предупреждение находящихся под угрозой прав и свобод, без соответствующего права на получение профессиональной юридической помощи, в связи с чем, последнее приобретает особую значимость.

За последние годы учеными юристами всего мира уделяется особое внимание к изучению правовой природы права на получение профессиональной юридической помощи. Необходимо отметить, что данное право закреплено в том или ином виде во многих Конституциях стран мира. В юридической науке право на получение юридической помощи относят к конституционным правам третьего поколения [8, с. 10]

Имплементация, а также механизм реализации права на получение профессиональной юридической помощи во многом зависит от особенностей того или иного правопорядка, содержания в качестве юридической нормы и соответствующих государственных гарантий. Статья 116 Конституции Республики Узбекистан гарантирует право на профессиональную юридическую помощь на любой стадии судопроизводства [5, с. 40]

Из анализа статьи вытекает, что право на юридическую помощь гарантируется государством только в рамках судебного производства. Юридическая помощь, оказываемая вне судебного процесса, не охватывается указанной конституционной нормой. Данное обстоятельство является отличительной чертой права на получение профессиональной юридической помощи от аналогичных норм, закрепленных в Основных законах некоторых других стран, где право на профессиональную юридическую помощь охватывает все виды правоотношений, не ограничиваясь только судопроизводством.

Таким образом, право на профессиональную юридическую помощь имеет расширительное и ограниченное смысловое значение. От подхода законодателя зависит широкое либо узкое закрепление данного права в национальном законодательстве.

Именно узбекский вариант конституционной нормы права на получение профессиональной юридической помощи является более правильным, и обеспечивающим его фактическую реализацию.

Во-первых, необоснованное расширение содержания права на юридическую помощь будет охватывать все виды правоотношений, когда у субъекта возникнет необходимость в правовой помощи. Государство, в свою очередь, должно его обеспечить. Например, гражданину требуется юридическая помощь по защите его интересов перед коммунальными учреждениями. При расширенном толковании права на юридическую помощь в каждом подобном или аналогичном случае государство должно обеспечить субъекта правовой помощью, что представляется невозможным. Государство обязано лишь создать необходимые предпосылки и условия для того, чтобы гражданин мог воспользоваться юридической помощью.

Во-вторых, гарантируя профессиональную юридическую помощь в процессе судопроизводства, государство признает особую трудность и значимость категорий дел, рассматриваемых судами. Если дело дошло до суда, то соответственно нарушены либо находятся под угрозой права и свободы, что требует оперативного вмешательства со стороны государства. Обеспечивая право на профессиональную юридическую помощь в рамках судопроизводства, государство гарантирует реализацию принципов законности и справедливости.

Вместе с тем, гарантируя право на получение профессиональной юридической помощи, государство не отказывается от обеспечения такой помощи вне суда. Государство создает все условия для защиты и восстановления нарушенных или находящихся под угрозой прав и свобод путем организации деятельности правоохранительных органов, адвокатуры и различных негосударственных структур, образующих институты гражданского общества. Например, лицо может обратиться за содействием в органы прокуратуры для защиты нарушенного права, что также является юридической помощью.

Вышеизложенное определяет содержание права на получение профессиональной юридической помощи. Исходя из этого, можно дать следующую дефиницию права на получение профессиональной юридической помощи:

Право на получение профессиональной юридической помощи — это закрепленная в Конституции и законодательных актах

возможность субъекта права получать квалифицированное юридическое содействие для защиты и восстановления прав, свобод и законных интересов от специально уполномоченных на это субъектов.

Рассматривая сущность права на получение профессиональной юридической помощи необходимо раскрыть содержание понятия «юридическая помощь». В литературе, иногда в нормативных актах, нередко термин «юридическая помощь» заменяется понятиями «правовая услуга», «юридическая защита», «правовая помощь» либо «представительство».

Некоторые ученые разграничивают понятия «юридическая помощь» и «юридическая услуга». Например, «юридическая услуга» — это правовая помощь, получаемая по гражданским делам, а «юридическая помощь» по уголовным делам [1, с. 5] Такое деление является формальным и оставляет без ответа многие вопросы.

В книге «Теория адвокатуры» изложен авторский взгляд по разграничению понятий «услуга» и «помощь». В частности, «услуга» есть доставление блага, совершаемое по свободной договоренности между просящим этого блага и вызвавшимся дать его. Помощь есть доставление блага, совершаемое по необходимости, поскольку его недоставление причинит существенный вред нуждающемуся в нем.

Различие между услугой и помощью, таким образом, состоит не в характере блага, а в основании его доставления» [2, с. 68, 69].

Названная конструкция также не может претендовать на роль абсолютной, так как она больше проводит параллель между частным и публичным правом. Если услуги оказываются на основании гражданско-правового договора, то это без сомнения удел частно-правовых отношений. Помощь это, по сути, блага, которые должны быть оказаны тем, кто в них нуждается. Соответственно, юридическая помощь должна оказываться публично обязанными на это институтами, что относит ее к сфере публичного права.

Необходимость в разграничении различных понятий, относящихся к юридической помощи, отсутствует. Законодатель применил термин «юридическая помощь», который является наиболее конструктивным. Следовательно, под юридической помощью необходимо понимать «систему мероприятий, направленных на обеспечение и защиту прав, свобод и правоохраняемых интересов граждан и юридических лиц, реализуемых специально созданными на то органами, осуществляющими данную деятельность, и имеющими целью достижение правовой защищенности личности» [7, с. 16].

Субъектами права на получения профессиональной юридической помощи являются не только граждане, но и юридические лица. Отчасти, этим и объясняется закрепление правовой нормы о получении профессиональной юридической помощи не в разделе Конституции права и свободы личности, а в разделе судебная власть.

Необходимо отметить, что Конституция Республики Узбекистан гарантирует право на получение именно **профессиональной** юридической помощи [5, с. 40]. В законодательных актах и юридической литературе встречается еще квалифицированная юридическая помощь, что имеет одинаковый смысл.

Предъявление к юридической помощи требования о ее профессиональности можно трактовать в двух значениях.

Во-первых, право на получение профессиональной юридической помощи подразумевает, что помощь должна оказываться специально уполномоченными на это субъектами. В свою очередь, данное обстоятельство требует раскрытия состава субъектов профессиональной юридической помощи.

По своему составу круг субъектов, оказывающих профессиональную юридическую помощь необычайно широк. Условно их можно разделить на государственные и негосударственные. К государственным относятся правоохранительные органы и органы государственной власти, например, прокуратура, юстиция или местные органы государственной власти. К негосударственным или частным субъектам профессиональной юридической помощи относятся адвокатура, частнопрактикующие нотариусы, осуществляющие представительские функции юристы и т. д.

Центральное место среди субъектов профессиональной юридической помощи принадлежит адвокатуре. В отличие от других субъектов юридической помощи именно для адвокатуры оказание профессиональной юридической помощи является основной задачей и целью деятельности, тогда как для других она является дополнительной. Иногда представители адвокатуры претендуют на «монопольное» право на оказания профессиональной юридической помощи, что является необоснованным. В подтверждение своего тезиса адвокаты ссылаются на ст. 116 Конституции Республики Узбекистан, закрепляющую норму о том, что для оказания юридической помощи гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям действует адвокатура [5, с. 40]

Как отмечено выше, адвокатура, бесспорно, имеет особый статус среди других субъектов профессиональной юридической помощи. Однако, ни теоретически, ни практически она не может быть

ее единственным субъектом. Такой подход необоснованно сужает содержание и природу права на получение профессиональной юридической помощи и игнорирует роль и место других его субъектов.

Многосубъектность права на получение профессиональной юридической помощи, особенно в сфере защиты прав и свобод граждан, создает среду, когда интересы нескольких субъектов могут пресекаться. Вместе с тем, среди субъектов отсутствует взаимодействие и координация деятельности для эффективного функционирования. В связи с этим, возникает необходимость в законодательной норме о координации деятельности субъектов профессиональной юридической помощи. Целесообразно, такую координацию возложить на Министерство юстиции Республики Узбекистан.

Во-вторых, критерий профессионализма юридической помощи возлагает на помощь качественные требования. Оказываемая юридическая помощь должна отвечать каким-либо определенным стандартам, и в случае ненадлежащего ее оказания субъекты должны нести установленную законом ответственность.

Качество и ответственность государственных должностных лиц в ходе оказания юридической помощи регулируются специальными законодательными актами, устанавливающими порядок допуска к профессии, осуществления профессиональной деятельности и ответственность за ее нарушения.

Отношения между доверителем и адвокатом регулируются на основе соглашения о юридической помощи. В соответствии с ч. 2 ст. 9-1 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре» данное соглашение является гражданско-правовым договором. Соответственно, если в законе не указано иное, к нему применяются правила гражданского законодательства Республики Узбекистан [4, с. 3].

Вместе с тем, гражданско-правовое регулирование отношений между доверителем и адвокатом не вполне соответствует природе юридической помощи. В частности, согласно гражданскому договору, оказываемая помощь будет рассматриваться в качестве услуги. Кроме этого, не представляется возможным с практической точки зрения в договоре установить критерии качества оказываемой юридической помощи, что затрудняет в случае неудовлетворенности доверителя качеством оказанных услуг, доказать это в суде.

В связи с этим, целесообразно, установить определенные критерии либо стандарты качества юридической помощи, что позволило бы придерживаться их. В литературе высказывается мнение о необходимости разработки и принятия специального закона

о квалифицированной юридической помощи, что также является одним из возможных решений данной проблемы [6, с. 11].

Будучи по своей природе сложносоставным институтом, право на получение профессиональной юридической помощи сочетает в себе публичные и частные элементы. Без всякого сомнения, публичный элемент является доминирующим.

В качестве публичных элементов права на получение профессиональной юридической помощи выступают доступ к правосудию, торжество принципов законности и справедливости. Кроме этого, право на получение профессиональной юридической помощи служит предпосылкой для обеспечения принципов состязательности и равенства сторон.

Частноправовыми началами механизма профессиональной юридической помощи являются свобода лица, заинтересованного в юридической помощи избрать форму получения такой помощи, заключения соответствующего договора правовой помощи и т. д. Одновременно с этим, в договорной форме получения юридической помощи доверитель удовлетворяет свой личный интерес, а адвокат получает за свои услуги соответствующее вознаграждение. Само по себе соглашение о юридической помощи является элементом частного права.

Право на получение профессиональной юридической помощи по виду и форме классифицируется на несколько категорий. Виды профессиональной юридической помощи можно характеризовать как публичный либо частный, возмездный или безвозмездный, а также прямой либо косвенный.

Иск органов прокуратуры по гражданскому делу в интересах лица, чьи права нарушены, относится к публичному виду правовой помощи. Представительство интересов субъекта предпринимательства со стороны адвоката в хозяйственном суде одновременно является публичным и частным.

Отдельными категориями государственных органов и органов местного самоуправления юридическая помощь оказывается в пределах их задач и функций, определенных нормативными документами. При этом оказание юридической помощи не является их основной целью, а осуществляется косвенно, в ходе исполнения возложенных на них повседневных задач. Такой вид юридической помощи является косвенным.

По своей форме право на получение профессиональной юридической помощи делится на информирование (консультирование) и процедурное представительство.

Информирование (консультирование) осуществляется путем устного либо письменного информирования нуждающегося в правовой помощи по всем интересующим его вопросам и проблемам.

Переход к рыночной экономике, ее многоукладность, развитие различных форм собственности, требует принятия множества нормативно-правовых актов. В этих условиях субъекты права, особенно представители бизнеса, должны быть своевременно информированы о порядке и условиях поведения, об изменениях и дополнениях в законодательстве. Данные обстоятельства определяют актуальность информационно-консультативной формы оказания юридической помощи в современных условиях.

В свою очередь, традиционной формой юридической помощи является процедурное представительство. Субъект правовой помощи превращается в активного участника процесса. Порядок и условия оказания юридической помощи в форме процедурного представительства регулируется отраслевыми законодательными актами. Например, ст. 52 Гражданско-процессуального кодекса Республики Узбекистан определяет лиц, которые могут участвовать в качестве представителей в гражданском процессе [3, с. 199].

Полномочия адвоката — представителя определены в законодательстве об адвокатуре, а также в отраслевом законодательстве.

Одновременно, юридическая помощь может оказываться в обеих формах. Особенно часто такая смешанная форма встречается в адвокатской деятельности, когда адвокатские формирования заключают с юридическим лицом соглашение на правовое сопровождение деятельности последнего. Согласно нему адвокаты обязуются оказать услуги в виде консультирования по правовым вопросам и представительства в судах и других органах.

Изложенное является лишь попыткой показать многогранность природы права на получение профессиональной юридической помощи. Как отмечено выше, право на получение профессиональной юридической помощи выделяется среди других конституционных прав тем, что оно является правом — гарантией, а также основанием для обеспечения субъекту доступа к правосудию, что обуславливает актуальность и необходимость дальнейших исследований в этом направлении.

Список литературы:

1. Баренбойм П., Резник Г., Мозолин В. Правовая реформа XXI века и Адвокатура. М.: Юстицинформ, 2007 г. — 79 с.
2. Воробьев А.В., Поляков А.В., Тихонравов Ю.В. Теория адвокатуры. М.: Грантъ, 2002 г. — 496 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Т.: Министерство Юстиции Республики Узбекистан, 2001 г. — 346 с.
4. Закон Республики Узбекистан «Об адвокатуре». «Сборник законодательных актов Республики Узбекистан», № 52, 2008 г., ст. 514.
5. Конституция Республики Узбекистан. Т.: Узбекистан, 2008 г. — 48 с.
6. Любобенко Е.С. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования (Российский и зарубежный опыт). Автореф. дисс. к. ю. н. — М.: 2008 г. — 28 с.
7. Плетень А.С. Конституционное право на бесплатную юридическую помощь и механизм его реализации в современной России. Автореф. дисс. к. ю. н. — М.: 2008. — 27 с.
8. Тарло Е.Г. Роль адвокатуры в системе обеспечения конституционного права на юридическую помощь. (Российская действительность и мировой опыт). Автореф. дисс. к. ю. н. — М., 2001. — 30 с.

СЕКЦИЯ 7.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

СУБЪЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ЧАСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ФИЗИЧЕСКОГО ИЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Фадеев Павел Владимирович

*канд. юрид. наук, доцент,
докторант Московского университета МВД России,
г. Москва*

E-mail: fadeevpv2001@yandex.ru

SUBJECTS OF LEGAL AID AND PRIVATE INTERESTS OF NATURAL OR LEGAL PERSON

Pavel Fadeev

*Ph.D., Associate Professor, Ph.D. University of Moscow Russian Ministry
of Internal Affairs, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа законодательства и теории рассмотрены проблемы, связанные с определением субъектов оказания юридической помощи физическим и юридическим лицам, и признаки, в числе которых частные интересы доверителя, позволяющие их решить.

ABSTRACT

On the basis of analysis of the legislation and the theory of the problems associated with determining the subjects of legal assistance to individuals and legal entities and attributes, including the private interests of the client, allowing them to decide.

Ключевые слова: юридическая помощь; субъекты юридической помощи; правоохранительные органы; общественные организации; юрист; юридический характер; доверитель; частные интересы.

Keywords: legal aid; legal aid entities; law enforcement agencies; civil society organizations; lawyer; legal nature; the principal; private interests.

В настоящее время в законодательстве и литературе нет единого мнения по перечню субъектов, оказывающих юридическую помощь. Российское законодательство к числу субъектов юридической помощи, наряду с адвокатами, нотариусами, патентными поверенными, юрисконсультами [12, 13, 8], относит прокурора, органы военного управления, органы военной юстиции, органы предварительного следствия, суд, органы местного самоуправления, государственные юридические бюро, юридические клиники, общественные организации и др. [14, 11].

В литературе одни авторы указывают, что только адвокат является единственным и уникальным субъектом права, оказывающим юридическую помощь [2, с. 18–19]. Другие ученые считают, что все государственные и общественные органы оказывают юридическую помощь [6, с. 70]. Третьи, — отмечают, что деятельность сотрудников правоохранительных органов (судей, прокуроров, следователей, дознавателей и др.) по оказанию квалифицированной юридической помощи является субсидиарной задачей для данных органов, выполняемой попутно с решением основных задач, каковыми выступают отправление правосудия, расследование преступлений, выявление случаев уклонения от уплаты налогов и т. п. [10, с. 21—22].

Подобный подход, во-первых, показывает на отсутствие единства в понимании сущности и характера деятельности субъектов оказания юридической помощи, а также признаков, позволяющих отличить их от иных органов со схожими целями и задачами. Во-вторых, ведет к нивелированию научно-теоретического и практического значения юридической помощи, так как потенциальный получатель не понимает к кому (куда) он может обратиться за этой помощью, на каких условиях, в каком порядке, в каком объеме и в каких пределах тот или иной субъект будет оказывать помощь [7, с. 96—97].

Юридическая помощь, оказываемая физическим и юридическим лицам, имеет определенные признаки, позволяющие выявить ее особенности, отграничить от иных схожих видов деятельности и определить ее субъектов. Прежде всего, квалифицированная юридическая помощь является профессиональной деятельностью юриста

и носит юридический характер [5, с. 211]. По мнению автора, данные признаки взяты за основу законодателем и отдельными учеными при формировании перечня субъектов оказания юридической помощи. Это обстоятельство объясняется тем, что, во-первых, в соответствии с юридической специальностью, определяющей характер ее деятельности, юрист может выполнять обязанности не только адвоката, нотариуса, юрисконсульта, но и судьи, прокурора, следователя, дознавателя. Юридический характер носит и педагогическая деятельность преподавателя-юриста [9], которую также относят к юридической помощи [3, с. 50]. Во-вторых, все государственные органы и общественные объединения оказывают правовое содействие (помощь) физическим и юридическим лицам в виде информирования и разъяснения прав, оснований отказа по их заявлениям. Все эти действия входят в содержание деятельности юриста, оказывающего юридическую помощь [10, с. 21].

Как представляется автору, определение субъектов оказания юридической помощи следует вести с учетом и других признаков, раскрывающих сущность и характер их деятельности. Один из них, позволяющий отличить юридическую помощь от других видов юридической деятельности, гласит, что при ее оказании характер и содержание деятельности субъектов оказания юридической помощи связаны с интересами ее получателя.

Наиболее полно эта черта проявляется в адвокатской деятельности, а также в деятельности юрисконсультов и независимых юристов, поскольку они связаны только интересами и целями доверителя. Как считает Н.В. Андрианов, «недопущение судебной ошибки занимает адвоката лишь в той мере, в какой это соответствует интересам его доверителя. Более того, адвокат не только вправе, но и в ряде случаев обязан (разумеется, не переступая нормы закона) способствовать судебной ошибке. Это подтверждает содержащийся в законодательстве принцип адвокатской тайны, и особенно прямой запрет публично признавать вину доверителя, если тот ее отрицает. Поэтому истиной для адвоката в конкретном уголовном процессе будет либо признание доверителя невиновным, либо предельно мягкое наказание, либо помилование, либо (если доверитель — потерпевший) вынесение обвиняемому наказания, на котором настаивает доверитель. А справедливым, с точки зрения адвоката, будет только тот судебный акт, который максимально благоприятен для доверителя» [1, с. 223].

Не смотря на то, что адвокатуре как профессиональному сообществу адвокатов и институту гражданского общества присущ публично-правовой статус [4, с. 165], при оказании юридической

помощи защита публичных интересов не является основной целью ее субъектов. Лица, оказывающие юридическую помощь, в большей мере занимаются поиском и надлежащим применением норм, отграничивающих интересы его доверителя от публичных интересов, а также частных потребностей и интересов (как осознанных потребностей) иных лиц [1, с. 238].

Степень проявления данного свойства в деятельности отдельных субъектов оказания юридической помощи может быть различной. Но в любом случае в процессе оказания юридической помощи (в том объеме и пределах, в которых она оказывается) субъект оказания действует в интересах субъекта получения [7, с. 122], так как для гражданского общества характерно, что «частные лица могут способствовать реализации публичных интересов, а могут и препятствовать или даже действовать вопреки публичным интересам, не нарушая при этом правовых установлений» [1, с. 238].

Таким образом, к субъектам оказания юридической помощи не могут быть отнесены органы государственной власти и управления, так как их деятельность направлена на обеспечение не только частных, но и публичных интересов.

Список литературы:

1. Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М.: книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 304 с.
2. Бугаренко А.И. Теория, правовые аспекты и практика оказания гражданам бесплатной юридической помощи адвокатами: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. — 28 с.
3. Вопленко Н.Н. Следственная деятельность и толкование права: Учебное пособие. Волгоград, 1978. — 79 с.
4. Гошуляк В.В. Прокуратура, адвокатура, нотариат в конституционном праве России. М.: Альфа-М, 2005. — 352 с.
5. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Деловой двор, 2008. — 320 с.
6. Куричев Ю.А. Доступность юридической помощи – общий принцип правосудия // Правоведение. — 1990. — № 5. — С. 68—72.
7. Панченко В.Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории): Монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. — 279 с.

8. Постановление Совета Министров СССР от 22 июня 1972 г. № 467 «Об утверждении общего положения о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения» // СП СССР. 1972. № 13. Ст. 70.
9. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 04.05.2010 г. № 464 (в ред. от 31.05.2011 г.) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26.
10. Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде: Монография. М.: Издательство «Известия», 2004. — 416 с.
11. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
12. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
13. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 24.
14. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

СЕКЦИЯ 8.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Андреева Любовь Александровна
канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru

CORRUPTION CRIME: CONCEPT AND ESSENCE

Andreeva Lybove
candidate of juridical sciences, associate professor of Russian State
Humanitarian University, Veliky Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам определения коррупционного преступления, его понятию и сущности, месту коррупционного преступления в системе противодействия преступности. В результате анализа норм Общей части Уголовного Кодекса Российской Федерации и проекта о внесении изменений в уголовное законодательство, состава преступления, рассмотрены последствия, возникающие из собственного определения «коррупционного преступления».

ABSTRACT

The article is devoted to problems of definition of a corruption crime, his concept and essence, a place of a corruption crime in system of counteraction of crime. As a result of the analysis of norms of the General part of the Criminal Code of the Russian Federation and the project about modification of the criminal legislation, crime structure, the consequences arising from own definition of «a corruption crime» are considered.

Ключевые слова: коррупция, преступление, уголовное законодательство, норма права.

Keywords: corruption, crime, criminal legislation, rule of law.

С принятием Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] в законодательстве впервые появилось определение коррупции. Традиционное понятие коррупции ограничивалось весьма узкой сферой общественных отношений, включающей деятельность должностных лиц, находящихся на государственной службе. В настоящее время, пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273 (далее — Закон о противодействии коррупции) [3], законодателем определено понятие «коррупция»: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний от имени или в интересах юридического лица.

По мнению автора, в законе «коррупция» определяется путем перечисления противоправных действий (бездействия), являющихся наиболее рельефным проявлением коррупции, указывается на существенный признак коррупции — незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства, сопряженное с получением выгоды указанному лицу другими лицами, тем самым определены коррупционные квалификационные признаки, а следовательно, существенное определение коррупции в законе отсутствует. Некоторые авторы, однако, считают, что представляется бессмысленным вводить юридическое понятие коррупции наравне с ее конкретными проявлениями (например, взяткой), поскольку любые попытки заключить это понятие в жесткие рамки приведут к тому, что часть коррупционных действий окажутся за пределами действия Уголовного кодекса РФ или иного закона, с чем, в части, не может согласиться автор.

Наукой сделан значительный шаг в изучении коррупции. Это стало возможным в силу того, что отечественная правовая мысль преодолела ту точку зрения, согласно которой коррупция сводилась к взяточничеству. Одним из важных моментов, определяющих стратегию противодействия коррупции, является необходимость внесения определения коррупционности в УК РФ. В настоящее время законодатель внес на обсуждение Государственной Думы РФ проект федерального закона № 292869-6 «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями» [4].

Проект закона № 292869-6 содержит определение коррупционного преступления, а именно в части 1 статьи 14¹ «Понятие коррупционного преступления» указывает, что коррупционным преступлением признается совершенное с прямым умыслом из корыстных побуждений лицом, подпадающим под признаки, предусмотренные частью первой примечания к статье 201 или частями первой — четвертой примечания к статье 285 настоящего Кодекса, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания общественно опасное деяние, предусмотренное частью второй и третьей настоящей статьи [4]. Таким образом, в Общей части Уголовного Кодекса РФ, наряду с определением преступления, предлагается ввести «особое определение» коррупционного преступления.

Рассмотрим, в чем тождество и различия определения «преступления» и «коррупционного преступления», обратимся к определению «преступления» в соответствии со ст. 14 УК РФ. Согласно части 1 статьи 14 «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [5].

Таким образом, ст. 14 УК РФ [5] и статья 14¹ Проекта дополнений и изменений в УК РФ [4] указывают, что преступление и коррупционное преступление являются общественно опасными деяниями, что вызывает опасения по определению квалификации конкретного преступления, так как при коллизии норм уголовного законодательства, возможно применение как первого определения, так и второго, что значительно затруднит правоприменение и судебную практику.

Статья 14¹ Законопроекта [4] предлагается ввести в определение «коррупционного преступления» также указание о прямом умысле, из корыстных побуждений и специальным субъектом — лицом, подпадающим под признаки, предусмотренные частью первой примечания к статье 201 УК РФ или частями первой-четвертой примечания к статье 285 УК РФ. Таким образом, законодатель подменяет понятие виновности наличием прямого умысла и корыстными побуждениями. Такая трактовка деяния существенно меняет квалификацию коррупционного преступления, в том числе ссылка на признаки, предусмотренные частью первой примечания к статье 201 УК РФ или частями первой-четвертой примечания к статье 285 УК РФ, сводят коррупционное преступление к сущности части должностных преступлений. В этой отсылочной норме

усматривается отсутствие потребности в определении коррупционного преступления и его назначения для Общей части УК РФ.

Автор отмечает, что из определений коррупции обоснованным представляется определение, указанное в материалах ООН: «злоупотребление властью с целью получения личной выгоды» [1]. Данное определение является наиболее емкой трактовкой понятия «коррупция», отражает ее суть, то есть злоупотребление для выгоды и, возможно может послужить основой квалифицирующего признака коррупционного преступления.

Формы коррупции разнообразны: от получения взяток за совершение как законных, так и незаконных действий (в том числе за вмешательство коррумпированных должностных лиц в конкурентную борьбу в пользу взяткодателей), до сложных и завуалированных в виде участия должностных лиц в различных сферах предпринимательской деятельности, продажи должностей и званий, коррумпированности должностных лиц высшего уровня, участвующих в законотворчестве в виде лоббирования законов за вознаграждение и т. п. Наиболее типичные проявления коррупции — подкуп чиновников, взяточничество за предоставление благ и преимуществ, протекционизм (выдвижение работников по признаку родства, землячества, личной преданности и приятельских отношений). Характерным признаком коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его работодателя либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества.

Давая определение коррупции, ее особенностей большинство юристов в России считают, что для правильного понимания ее сути важен учет целей участников заключаемой противозаконной сделки. В ее основе всегда лежит обоюдно извлекаемая сторонами выгода в самом широком понимании. Она, как правило, носит конкретный, материальный характер, или может быть нематериальной (например, помощь в избирательной компании) [2].

Вызывает сомнения и определение «специального субъекта» в понятии коррупционного преступления, так как отсылочная норма к лицу, подпадающему под признаки, предусмотренные частью первой примечания к статье 201 УК РФ или частями первой-четвертой примечания к статье 285 УК РФ, не охватывают всех коррупционных преступлений. Следовательно, часть коррупционных преступлений не подпадают под определение коррупционного преступления, а в некоторых случаях, не могут быть признаны уголовными преступлениями.

Например, автор предлагает внести в Общую часть УК РФ статью 34.1 «Ответственность за коррупционные преступления» из трех частей в следующей редакции: ответственность за коррупционные преступления определяется характером и степенью фактического участия в совершении преступления злоупотребления властью с целью получения личной выгоды либо в пользу третьих лиц».

Автор полагает, что в соответствии со статьей 14 УК РФ любое лицо, совершившее преступление, должно быть под угрозой наказания, а наличие признака коррупционности и закрепление в Общей части УК РФ уголовной ответственности за деяния, имеющего признаки коррупционности, решит задачи, поставленные перед уголовным законодательством в области борьбы с коррупцией. Следует дополнить Общую часть УК РФ статьей 70.1 «Назначение наказания за коррупционное преступление» из четырех статей: «При назначении наказания по коррупционному преступлению срок назначается отдельно. При назначении наказания по коррупционным преступлениям максимальный срок или размер наказания не применяется. Срок и размер наказания за коррупционное преступление исчисляется путем увеличения в два раза по всем видам наказаний. Назначение наказания по коррупционным преступлениям по совокупности приговоров (ст.ст. 70,71 УК РФ) не применять».

Таким образом, автор полагает, что определение коррупции должно носить законодательную юридическую конструкцию, которая не исключает правового определения квалифицирующего признака противодействия коррупционным преступлениям. В этом случае возможна выработка механизма конфискации имущества коррупционера.

Сомнительны предложения об определении понятия «специального субъекта», так как требуется уяснить различия понятий «должестование» и «публичного лица» и указать соответствующие дифиниции. На практике коррупционные преступные деяния совершаются не только чиновниками, а депутатами и иными выборными лицами (например, председателями коллегиальных органов), не связанными ни подчиненностью, ни прямым умыслом либо корыстью, но играющим существенную роль в коррупционной схеме.

Таким образом, введение в юридический оборот понятия «коррупционного преступления» не решит проблемы использования предлагаемых норм на практике, вместе с тем позволит при наличии пробелов в законодательстве: двух определений преступления, виновности, прямого умысла и корыстных побуждений, исключить уголовную ответственность коррупционеров. Важно не только стратегически определить сущность коррупционного преступления,

а урегулировать правовой механизм квалификации коррупционных преступлений и определение уголовной ответственности виновных.

Список литературы:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс Версия Проф. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http // www/consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (Дата обращения 01.07.13).
2. Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6 // КонсультантПлюс Версия Проф. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http // www/consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (Дата обращения 26.06.13).
3. О противодействии коррупции: федеральный закон [25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 21.11.2011 № 329)] // СЗ РФ — 2008. — № 52(ч. 1). — Ст. 6228; 2011. — № 48. — Ст. 6730.
4. Проект федерального закона № 292869-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями» //КонсультантПлюс Версия Проф. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http // www/consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (Дата обращения 01.07.13).
5. Уголовный Кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс Версия Проф. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http // www/consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (Дата обращения 01.07.13).

**ЗНАЧЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ АСПЕКТОВ
В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ**

Дядюн Кристина Владимировна

*канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ВФ РГА,
г. Владивосток*

E-mail: Kristina.dyadyun@yandex.ru

**SIGNIFICANCE OF REPRODUCTIVE ASPECTS
IN NORMS OF AN ESPECIAL PART
OF THE CRIMINAL LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE CIS COUNTRIES**

Dyadyun Kristina Vladimirovna

*candidate of juridical sciences, associate professor of department
of criminal law VB RCA, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются нормы особенной части уголовного законодательства стран СНГ, касающиеся охраны репродуктивной сферы. Автор исследует специфику и целесообразность регламентации уголовной ответственности за совершение преступных посягательств, связанных с репродуктивными аспектами.

ABSTRACT

In given article norms of an especial part of the criminal legislation of the CIS countries, concerning protection of reproductive sphere are analyzed. The author investigates specificity and expediency of a regulation of a criminal liability for establishment of the criminal encroachments connected with reproductive aspects.

Ключевые слова: репродуктивные аспекты; уголовное законодательство; состояние беременности; убийство матерью новорожденного ребенка; незаконное производство аборта; необоснованный отказ в приеме на работу/необоснованное увольнение.

Keywords: reproductive aspects; criminal legislation; pregnancy condition; murder of the newborn child by mother; illegal manufacture of abortion; unreasonable refusal in reception for work / unreasonable dismissal.

Анализ особенной части действующего уголовного законодательства России позволяет выявить следующие нормы, в которых учитываются репродуктивные аспекты:

- регламентация убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в качестве квалифицированного вида убийства (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- закрепление убийства матерью новорожденного ребенка в качестве привилегированной разновидности убийства (ст. 106 УК РФ);
- установление ответственности за незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ);
- установление ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3-х лет (ст. 145 УК РФ);
- признание совершения преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, квалифицирующим обстоятельством (ч. 2 ст. 117 (п. «в»); ч. 2 ст. 126 (п. «е»); ч. 2 ст. 127(п. «е»); ч. 2 ст. 127.1 (п. «и»); ч. 2 ст. 206 (п. «е»)) УК РФ;
- рассмотрение прерывания беременности как фактора, характеризующего причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

В отношении регламентации ответственности за преступные посягательства, связанные с репродуктивными аспектами, подход законодателей стран СНГ не отличается однообразием. Единственная общая черта в уголовных кодексах рассматриваемых государств — ужесточение ответственности за совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. При этом важно подчеркнуть, что во всех без исключения случаях указывается критерий заведомости означенного состояния потерпевшей для виновного, что полностью соответствует требованиям основополагающих принципов уголовного права.

Что касается установления ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, здесь законодательный подход более индивидуализирован. Например, во многих уголовных кодексах стран СНГ подчеркивается критерий убийства матерью *своего* новорожденного ребенка (Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Азербайджан,

Украина, Узбекистан) [6; 5; 8; 2; 10; 9]. Такой подход с одной стороны упрощает содержание вопроса относительно субъекта данного преступления, с другой — усложняет его, например, в случаях совершения рассматриваемого преступления суррогатной матерью при наличии соответствующих признаков объективной стороны состава. В отдельных кодексах присутствует и оригинальный подход к названию данного преступления. Например, в УК Республики Молдова рассматриваемое общественно опасное деяние обозначено как «детоубийство» [7]. Такой подход представляется не совсем верным, поскольку любое убийство новорожденного ребенка есть детоубийство, но не наоборот. Определенные расхождения присутствуют и в закреплении признаков объективной стороны данного преступления. В некоторых случаях совершенно обоснованно подчеркивается обусловленность соответствующего эмоционального состояния виновной родовым процессом и связанных с ним обстоятельств (Таджикистан, Беларусь, Молдова) [8; 5; 7]. В отдельных кодексах по-разному очерчиваются временные пределы рассматриваемого преступления. В большинстве случаев законодатель использует формулировку «во время/сразу после родов» (Российская Федерация, Азербайджан, Кыргызия, Украина, Армения) [1; 2; 3; 10; 4]. Однако в отдельных ситуациях указанный период более конкретизирован: «во время родов/непосредственно после них» (Таджикистан, Беларусь, Молдова, Узбекистан) [8; 5; 7; 9]; « во время родов/послеродовой период» (Казахстан) [6]. Тем не менее, ни одна из указанных формулировок не позволяет четко очертить конкретные временные пределы, обуславливающие привилегированность соответствующего состава преступления.

Еще более неоднозначен подход законодателей стран СНГ при регламентации ответственности за незаконное производство аборта. Следует отметить, что наименее адекватна в этом плане позиция российского законодателя, согласно которой единственным криминообразующим признаком данного общественно опасного деяния выступает отсутствие у субъекта высшего медицинского образования соответствующего профиля. Такой подход не учитывает ни требования соответствующих медицинских актов, ни практические аспекты данного преступного деяния, ни требования основополагающих принципов уголовного законодательства. Кроме того, во всех уголовных кодексах стран СНГ более обоснованно регламентированы признаки рассматриваемого преступления. В большинстве случаев дифференцирована ответственность с учетом признаков субъекта: незаконный аборт, произведенный врачом,

и незаконный аборт, совершенный лицом, не имеющим соответствующего образования/права (Азербайджан, Таджикистан, Кыргызия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Армения) [2; 8; 3; 5; 6; 9; 4]. Законодатель Молдовы подошел еще более скрупулезно к регламентации признаков анализируемого преступления: закрепил в рамках уголовного кодекса критерии незаконности аборта (вне медицинского учреждения; лицом, не имеющим специального высшего медицинского образования; при наличии медицинских противопоказаний; в антисанитарных условиях; при сроке свыше 12 недель и при отсутствии медицинских показаний) [7]. Означенные критерии основаны на требованиях медицинского законодательства и абсолютно обоснованны. Некоторые нюансы присутствуют и в регламентации квалифицирующих признаков рассматриваемого состава. В большинстве случаев в качестве отягчающих обстоятельств предусмотрены причинение по неосторожности смерти потерпевшей либо тяжкого вреда ее здоровью. Однако можно выявить и определенную специфику в этой области. Например, в некоторых государствах означенные последствия и, соответственно, меры ответственности за их причинение дифференцированы (Азербайджан) [2]; в других предусмотрена ответственность и за причинение средней тяжести вреда здоровью/иные тяжкие последствия (Кыргызия, Молдова, Узбекистан, Украина) [3; 7; 9; 10]. В некоторых случаях квалифицирующим обстоятельством является неоднократность/судимость за ранее совершенное аналогичное преступление (Таджикистан, Казахстан, Армения) [8; 6; 4]. В отдельных государствах (Таджикистан, Узбекистан) [8; 9] предусмотрена ответственность за понуждение женщины к производству аборта. Таким образом, уголовное законодательство всех стран СНГ, за исключением России, представляется в рассмотренной области достаточно адекватным, учитывающим необходимость особой охраны репродуктивной сферы с учетом требований медицинских документов и основополагающих принципов уголовного права.

Следующий специальный состав, учитывающий репродуктивные особенности, — необоснованный отказ в приеме на работу/необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей малолетних детей. Отдельная ответственность за указанное преступное деяние установлена в пяти из десяти странах СНГ (Россия, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызия, Армения) [1; 2; 8; 3; 4]. В данном вопросе позиция законодателей более менее идентична. Из нюансов можно отметить следующее: уголовный кодекс Азербайджана подчеркивает не просто факт наличия у женщины

ребенка в возрасте до 3-х лет, а нахождение его на иждивении у матери [2]; в УК Таджикистана вместо термина «необоснованное» используется «бесосновательное» [8], что, однако исходя их содержания и толкования соответствующих норм синонимично; ст. 144 УК Кыргызии предусматривает также ответственность и за снижение размера заработной платы по соответствующим мотивам [3]. В других государствах СНГ не предусмотрена специальная ответственность за нарушение трудовых прав субъектов по репродуктивным признакам.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть необходимость для уголовного законодательства в сфере охраны репродуктивной сферы гуманного отношения к субъектам с учетом репродуктивных особенностей вкуче с обоснованной регламентацией защиты нарушенных прав в данной области.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.garant.ru. (Дата обращения: 18.04.2013).
2. Уголовный кодекс Азербайджанской республики/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: ugolovnykodeks.ru (Дата обращения: 18.04.2013).
3. Уголовный кодекс Кыргызской республики// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: kgcentr.info (Дата обращения: 18.04.2013).
4. Уголовный кодекс Республики Армения// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: km.unpd.sk (Дата обращения: 18.04.2013).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.Pravo.by (Дата обращения: 18.04.2013).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: online.zakon.kz (Дата обращения: 18.04.2013).
7. Уголовный кодекс Республики Молдова// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: base.spinform.ru (Дата обращения: 18.04.2013).
8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.legislationline.org (Дата обращения: 18.04.2013).
9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: fmc.uz (Дата обращения: 18.04.2013).
10. Уголовный кодекс Украины// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: kodeksy.com.ua/ka/ugolovnykodeks_ukraini (Дата обращения: 18.04.2013).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Оспанова Жулдыз Батырбековна

*канд. юрид. наук,
доцент Казахстанско-Российского университета,
г. Астана (Казахстан)*

E-mail: ospan_zhuldyz@mail.ru

LEGAL ASPECTS OF LABOUR CONVICTED TO IMPRISONMENT IN THE CURRENT CONDITIONS

Ospanova Zhuldyz

*candidate of juridical sciences, associate professor
of Kazakh-Russian University, Astana, Kazakhstan*

АННОТАЦИЯ

Труд осужденных к лишению свободы в настоящее время является воспитательным, производительным, подлежащим охране. При этом он соединен с общеобразовательным и профессионально-техническим обучением. В данной статье автором проводится анализ норм действующего законодательства Российской Федерации и определяются проблемы в организации труда осужденных к лишению свободы и перспективные пути их решения.

ABSTRACT

The labour of convicted persons is now an educational, productive, to be protected. In this case, it is connected with the general education and vocational training. In this article the author analyzes the current legislation of the Russian Federation, and identifies challenges in the organization of labor convicts and promising solutions.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право; труд; места лишения свободы; организационно-правовые формы; индивидуальная трудовая деятельность.

Keywords: penal law; labour; imprisonment places; organizational and legal forms; individual labor activity.

Одной из наиболее значимых и важных проблем исполнения наказания в виде лишения свободы является проблема организации труда осуждённых.

При разработке теории советского исправительно-трудового права ученые исходили из того, что труд осужденных к лишению свободы являлся составной частью всего общественного труда, планомерно организованного как в пределах одного предприятия, так и в масштабах всего государства.

При этом полагалось, что в социально-экономическом плане осужденный является тружеником, труд которого, даже при наличии целого ряда ограничений, по своей сущности мало чем отличается от труда свободного гражданина.

Считалось, что различия в условиях и характере труда осужденных и свободных тружеников, не меняя его социальной природы, не выводят его за общие рамки, а являются результатом конкретной целевой направленности и, как следствие, дифференциации условий труда для различных категорий осужденных.

В качестве обоснования вывода о близости труда осужденных и труда свободных граждан рассматривались система охраны и организации труда осужденных, экономика исправительных учреждений. Основным же аргументом являлась оплата труда осужденных, которая осуществлялась по нормам и расценкам, действующим в народном хозяйстве.

Подчеркивалось, что в правовом регулировании труда осужденных четко просматриваются основные черты правового регулирования труда свободных тружеников, что является его характерной особенностью. Труд осужденных регулируется нормами трудового права за исключением тех ограничений, которые вытекают из самого факта лишения свободы и ограничений карательного свойства. По мнению Л.Г. Крахмальника, «специфические стороны труда заключенных — то, чем труд отличается от труда свободных граждан, — регулируются и должны регулироваться исправительно-трудовым правом. Те же стороны труда заключенных, которые ничем не отличаются от труда свободных тружеников, в чем представляется единство обоих видов труда, регулируются и должны регулироваться советским трудовым правом» [3, с. 12].

Исходя из этого положения, в исправительно-трудовом законодательстве осуществлялось правовое закрепление условий труда осужденных, с учетом характера этого труда и целей его использования. При чем отличия от общих условий труда могли колебаться от незначительных, до достаточно существенных

в зависимости от конкретной целевой установки и задач, которые решались применением труда осужденных.

К отдельной категории, в частности, относились осужденные, отбывающие наказание в исправительно-трудовых колониях особого режима. Хотя целевая направленность применения такого труда законодательством не была определена, предусматривалось использование этих лиц преимущественно на тяжелых работах. Впрочем, на практике данное требование закона, как правило, не соблюдалось в силу организационных причин. Поэтому характер труда особо опасных рецидивистов и лиц, которым смертная казнь была заменена лишением свободы, практически ничем не отличался от характера труда других категорий осужденных.

Приведенные выше и другие аргументы, основанные на том, что труд осужденных является воспитательным, производительным подлежущим охране, что он соединен с общеобразовательным и профессионально-техническим обучением, в настоящее время не кажутся бесспорным доказательством его тождественности с трудом свободных граждан. Вместе с тем, не вызывает возражений тот факт, что по своим основным социально-экономическим характеристикам труд осужденных к лишению свободы является разновидностью общественного труда. Его отличие от труда свободных граждан обусловлено целевой направленностью, наличием специального правового регулирования отдельных правоотношений, возникающих в процессе привлечения осужденных к труду, и специфическими особенностями организации труда в местах лишения свободы.

Если рассматривать уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, то в отношении организационно-правовых форм привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы наблюдаются определенные изменения.

В 2003 году Экспертным советом при Правительстве Российской Федерации одобрена Концепция реформирования государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы путем создания на их базе центров трудовой адаптации осужденных, производственных (трудовых) мастерских и переориентации их деятельности на решение, в первую очередь, социальных задач по организации профессионального образования осужденных, привлечения их к труду, на создание условий для моральной и материальной заинтересованности в его результатах, а также на закрепление трудовых навыков для последующей адаптации к условиям жизни после освобождения.

В настоящее время согласно статье 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [11] и статье 17 Закона

Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [1] осужденные привлекаются к труду:

- в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, исполняющих наказание;
- на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы;
- в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их;
- по хозяйственному обслуживанию учреждений, исполнения наказания, и следственных изоляторов.

При этом администрацией исправительных учреждений учитывается пол, возраст, трудоспособность, состояние здоровья, и, по возможности специальность, а также наличие рабочих мест.

В целях стабилизации и улучшения производственно-хозяйственной деятельности предприятий уголовно-исполнительной системы и создания дополнительных рабочих мест для осужденных в структуре данных предприятий было проведено перепрофилирование предприятий исправительных учреждений в их структурные подразделения — центры трудовой адаптации осужденных и производственные (трудовые) мастерские.

Центры трудовой адаптации осужденных были созданы на базе предприятий исправительных колоний, учебно-производственные (трудовые) и лечебно-производственные (трудовые) мастерские — на базе предприятий воспитательных колоний и лечебно-исправительных учреждений соответственно. При этом все предприятия уголовно-исполнительной системы имеют статус федеральных государственных унитарных предприятий.

В процессе реформирования предприятий уголовно-исполнительной системы для обеспечения функционирования центров (мастерских) на баланс учреждений были переданы необходимые основные и оборотные средства, при этом удалось сохранить производственный и кадровый потенциал.

Деятельность таких центров (мастерских) исправительных учреждений представляет собой инициативную самостоятельную производственную деятельность (собственную производственную деятельность) исправительных учреждений и регламентируется приказом Министра юстиции Российской Федерации от 1 апреля 2008 года № 80 [8].

При этом с учетом перспективы развития производства и потребностей рынка труда в рабочей силе организуется профессиональная подготовка и повышение профессиональной квалификации осужденных.

Учебно-производственный процесс в мастерских воспитательных колоний должен строиться с учетом возраста и индивидуальных особенностей осужденного, сроков отбывания наказания в воспитательной колонии и быть ориентирован на расширение их возможностей в профессиональном самоопределении и повышении квалификации.

Другая разновидность мастерских — лечебно-производственная (трудовая) мастерская является структурным подразделением лечебного исправительного учреждения, исполняющего наказания, деятельность которого представляет собой инициативную самостоятельную производственную деятельность, иными словами собственную производственную деятельность исправительного учреждения.

При этом следует учитывать, что трудовая терапия в таких мастерских организуется и производится под постоянным наблюдением медицинского персонала, контроль за проведением лечения посредством трудовой терапии осуществляется врачами.

Для осужденных создаются необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации и организация труда осуществляется с учетом состава проходящих трудовую терапию осужденных, состояния их здоровья, трудоспособности, наличия опыта, трудовых навыков, профессии. При этом не направляются в мастерские осужденные, которым по состоянию здоровья противопоказана трудовая терапия.

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе России созданы и функционируют 587 центров трудовой адаптации осужденных, 41 учебно-производственная и 52 лечебно-производственных мастерских. Производственным сектором исправительных учреждений выпущено более 100 тысяч наименований товарной продукции, выполнено работ и оказано услуг на сумму свыше 30,7 млрд. руб. Вывод осужденных на оплачиваемые работы составил 35,6% от их среднесписочной численности (за АППГ — 32,4 %). В результате зарплата осужденных за один день выросла с 165,79 руб. до 171,98 рублей [5, с. 1].

По сравнению с 2011 годом практически не улучшились показатели численности осужденных, привлекаемых к труду, и производительность их труда, не достигнут запланированный рост заработной платы. За последние несколько лет объемы производства продукции, выполнения работ и оказания услуг снизились на 3,4 %, уменьшился размер прибыли и ухудшилось финансовое положение

исправительных учреждений. Более 70 % работающих осужденных из-за низкой квалификации не в состоянии выполнять установленные нормы выработки [10, с. 5—6].

Учитывая всю сложность сложившейся ситуации, в данном направлении государство предпринимает определенные шаги, призванные обеспечить трудовую занятость осужденных. С введением в 2000 году части второй Налогового кодекса Российской Федерации постепенно изменилась нормативная правовая база финансово-экономической деятельности производства уголовно-исполнительной системы путем установления определенных льгот и преференций.

Учреждения, исполняющие наказание были освобождены от ряда налогов, в частности транспортного налога (ст. 357 НК РФ), земельного налога (ст. 395 НК РФ), налога на имущество (ст. 381 НК РФ), налога на добавленную стоимость на внутрисистемную реализацию произведенных товаров, выполненных работ и оказанных услуг (ст. 149 НК РФ).

В соответствии со ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации исправительные учреждения имеют право на снижение до 4 % ставки налога на прибыль, подлежащего зачислению в региональный бюджет [4].

Согласно ст. 55 Федерального закона от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» и постановлением Правительства Российской Федерации от 17.03.2008 г. № 175 исправительные учреждения обладают правом на осуществление функций единственного поставщика продукции при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд, правом на пятнадцать процентные преференции в отношении предлагаемой заказчиком цены контракта при проведении торгов [13].

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года одним из основных направлений определяется разработка новых принципов привлечения к труду осужденных в условиях тюремного содержания и строгой дифференциации их содержания, создание небольших рабочих камер — мастерских и внедрение индивидуальных форм занятости [2].

До принятия Федерального закона от 06.06.2007 года № 91-ФЗ «О внесении изменений в статьи 103,141 УИК РФ и Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» осужденные вправе были заниматься предпринимательской деятельностью, которая организовывалась в двух формах:

1. индивидуальной трудовой деятельности осужденных [6];

2. создания товариществ с ограниченной ответственностью [7].

Перспективы развития индивидуальной трудовой деятельности осужденных связывались с отдельными видами творчества, прикладного искусства, оказанием бытовых услуг населению. Высказывались предложения о том, чтобы отказаться в местах лишения свободы от малоквалифицированного, тяжелого труда в пользу развития промыслов, ибо они делают труд творческим, иными словами воспитательным трудом. При этом авторы исходили из того, что многие изделия осужденных отвечают самому изысканному вкусу. В их поделках много выдумки, неожиданных решений, мастерства [14, с. 54].

Вместе с тем, осуществление индивидуальной трудовой деятельности осужденных в исправительных учреждениях возможно лишь в ограниченных пределах в силу негативного влияния как внешних так и внутренних факторов, сдерживающих развитие данного вида занятости осужденных, а также специфических условий, в которых организуется эта деятельность, и правового положения осужденных-предпринимателей. Осужденные, являются специфическими субъектами индивидуальной трудовой деятельности, так как их участие в рыночных экономических отношениях в процессе занятия данной деятельностью организуется администрацией исправительного учреждения и тем самым является опосредованным.

Следует учесть и тот факт, что одним из основных условий, с соблюдением которого связывается возникновение возможности для осужденных заниматься предпринимательской деятельностью, определяется «желание осужденных заниматься такой деятельностью». Это объясняется тем, что по своему содержанию и характеру «предпринимательство с полным основанием можно отнести к социально активному виду трудовой деятельности, основанному на самозанятости и инициативе отдельного лица или группы лиц» [9, с. 91].

В научной литературе в качестве основных причин, тормозящих развитие данной деятельности осужденных, называются такие как общее состояние экономики, в том числе противоречивая налоговая политика, отсутствие у осужденных необходимых средств, слабая информированность осужденных и администрации о существующих возможностях, отсутствие в ряде случаев необходимого уровня доверия и «баланса интересов» осужденных и администрации, нежелание администрации возлагать на себя дополнительные обязанности и ответственность, несовершенство законодательной и подзаконной базы и др. [12, с. 103].

Таким образом, индивидуальная трудовая деятельность не только создает условия для изыскания дополнительных рабочих мест, но и способствует реализации индивидуальных наклонностей осужденных, их профессионального мастерства. Для того, чтобы данный вид трудовой деятельности осужденных получил свое развитие, автор видит целесообразным, в первую очередь, организовать в исправительных учреждениях обучение всех желающих осужденных основам предпринимательства, что будет способствовать их адаптации к современным условиям жизни на свободе.

Реформирование в уголовно-исполнительной системе России направлено, прежде всего, на организацию эффективного трудового воспитания осужденных путем привлечения их к общественно полезному оплачиваемому труду, созданию условий для их моральной и материальной заинтересованности в его результатах, восстановлению и закреплению профессиональных и трудовых навыков осужденных, необходимых им для последующей скорейшей адаптации в обществе после освобождения от отбывания наказания.

Список литературы:

1. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 (ред. от 05.04.2013) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.referent.ru/1/66650. (Дата обращения 07.06.2013).
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года / утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-п/[электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ufsin.omsk.ru/concept>. (Дата обращения 07.06.2013).
3. Крахмальник Л.Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов: Изд-во Саратовского университета. — 1963. — С. 12.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). Часть 2 от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ (принят ГД ФС РФ 19.07.2000) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru/popular/nalog2. (Дата обращения 02.07.2013).
5. Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы в 2012 году, задачах на 2013 год и путях реализации второго этапа Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Доклад директора ФСИН России Г. Корниенко на расширенном заседании коллегии ФСИН России. 28 февраля 2013 г.// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://prisonlife.ru/analitika/1181>. (Дата обращения 10.06.2013).

6. Об утверждении Инструкции по организации индивидуальной трудовой деятельности осужденных, содержащихся в местах лишения свободы МВД России. Приказ МВД Российской Федерации от 14 декабря 1992 года № 453 // Информационный бюллетень ГУИН МВД Российской Федерации. 1993. С. 25—32.
7. Об утверждении Инструкции о порядке организации предпринимательской деятельности осужденных в форме товарищества с ограниченной ответственностью в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Приказ МВД Российской Федерации от 30 ноября 1993 года № 517// Информационный бюллетень ГУИН МВД России. 1994. № 20. С. 103—107.
8. Об утверждении Примерного положения о центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и Примерного положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы. Приказ Министра юстиции Российской Федерации от 1 апреля 2008 года № 80 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspxdocument=65661>. (Дата обращения 10.06.2013).
9. Погудин О.А. Проблемы организации предпринимательской деятельности осужденных к лишению свободы // Проблемы труда осужденных в условиях становления рыночной экономики: Материалы научно-практического семинара. Домодедово: РИПК МВД РФ. — 1996. — С. 91.
10. Сорокин А. Труд как средство исправления // Преступление и наказание. 2013. № 2. с. 3—7.
11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) от 08 января 1997 года № 1-ФЗ (принят ГД ФС РФ 18.12.1996) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru/popular/uikrf/. (Дата обращения 07.06.2013).
12. Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Особенная часть. Томск: Изд-во Томского университета. — 1995. — С. 103.
13. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2005/07/28/goszakaz.html>. (Дата обращения 10.06.2013).
14. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы: Проблемы, дискуссии, предложения. М.: Юрид. лит. — 1991. — С. 54.

**ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Чистанов Томас Олегович

*студент 4 курса, ХГУ им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан*

E-mail: tomaschistanov@mail.ru

Карпинчик Анна Вячеславовна

*руководитель юридической клиники
Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан*

E-mail: njushaja@mail.ru

**PRACTICAL PROBLEMS OF RESULTS
OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITIES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Chistanov Tomas

4th year student of The Khakass State University, Abakan

Karpinchik Anna

*the head of the clinic of the Institute of History and Law KSU.
N.F. Katanov, Abakan*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является изучение проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. При исследовании данной проблемы были рассмотрены точки зрения разных ученых в области уголовного процесса. В результате анализа нормативно-правовой базы были выявлены пробелы в Уголовно-процессуальном Кодексе РФ.

ABSTRACT

The purpose of this paper is to study the problems of using the results of operative and investigative activities in criminal proceedings. In the study of this problem have been considered in terms of different scientists in

the field of criminal procedure. An analysis of the regulatory environment identified gaps in the Criminal Procedure Code.

Ключевые слова: уголовный процесс; оперативно-розыскная деятельность; доказательства.

Keywords: criminal process; operational-search activity; the evidence.

Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности остается неразрешенной. Часть ученых придерживается точки зрения о недопустимости признания результатов ОРД доказательствами [2, с. 38—42]. В.М. Бозров выступает за признание их одним из видов доказательств, посредством внесения соответствующих изменений в УПК РФ [1, с. 23—25].

Процессуальный порядок вхождения результатов ОРД в уголовное судопроизводство, другие способы приобщения материалов ОРД, с целью их последующего использования в доказывании по уголовному делу вызывают затруднения как со стороны теории и закона, так и практики.

Значимость результатов ОРД в уголовном судопроизводстве невозможно переоценить. В значительной степени это обусловлено тем, что обеспечение успешного производства уголовному делу лишь уголовно-процессуальными средствами и методами в современных условиях зачастую оказывается очень сложным, а порой невозможным. Преступное сообщество действует дерзко, нагло и скрытно, а также используя пробелы законодательства и коррупционный ресурс — «нечистых» на руку чиновников. Следовательно было бы очень сложно осуществлять предварительное следствие, опираясь лишь на гласные и состязательные уголовно-процессуальные методы. ОРД дает ряд преимуществ, для правоохранительных органов, перед преступным сообществом, в частности ОРД обеспечивает эффект неожиданности, возможность применения агентурного метода, осуществление ОРМ в условиях строгой конспирации. Исходя из вышеуказанного следует, что в современном уголовном судопроизводстве существует потребность в расширении, совершенствовании возможностей использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не устанавливает процессуальный порядок введения результатов ОРД в уголовное судопроизводство; результаты ОРД как отдельный источник доказательства в части 2 статьи 74 УПК РФ не назван [5]. Доказательства в уголовном судопроизводстве должны быть построены с соблюдением обяза-

тельных требований: допустимость, достоверность, достаточность, относимость. Соблюдение этих требований возможно только в том случае, когда они были введены в уголовное судопроизводство установленными УПК РФ правилами проведения следственных действий и фиксации их результатов. На ряду с этим, необходимо отметить, что ОРД проводится, ненадлежащими субъектами уголовно-процессуальной деятельности; проведение ОРМ осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при этом, правила и методы их проведения отличаются, а порой и противоречат процессуальным правилам производства следственных действий, предусмотренных УПК РФ. Очевидно, что результаты ОРД не могут отвечать требованиям допустимости, предъявляемым к доказательствам, и, поэтому не могут использоваться в доказывании по уголовному делу, как недопустимые доказательства, предусмотренные частью 3 статьи 75 УПК РФ. Содержание статьи 89 («Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности») УПК РФ фактически исключает возможность использования в доказывании результатов ОРД. В соответствии с комментариями статьи 89 УПК РФ В.М. Лебедева, результаты ОРД не могут представлять собой доказательства, хотя и могут содержать сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. В.М. Лебедев определяет различное назначение информации, полученной в результате проведения ОРМ и данных, полученных в ходе проведения следственных действий [3, с. 108].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что результаты ОРД не являются доказательствами, но могут служить основой для формирования доказательств в уголовном процессе, то есть выступать сведениями об источниках тех фактов, которые были получены с соблюдением требований Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Результаты ОРД могут стать доказательствами только после закрепления их в установленном процессуальным законом порядке. Например, информация, полученная при проведении ОРМ, в ходе которого агент скрытно осуществлял наблюдение за отъездом наркодилера к месту совершения сделки по незаконному обороту наркотиков (об адресе, внешности, особых приметах, одежде и т. п.), зафиксированные в деле оперативного учета, не будут выступать сведениями, которые будут получены от него о тех же самых обстоятельствах, но уже в результате проведения его допроса в качестве свидетеля по уголовному делу.

Однако, Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает возможность использования предметов, полученных при проведении ОРМ в качестве вещественных доказательств для приобщения к материалам уголовного дела. В соответствии со статьей 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: «условиями проведения ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения [6]. В случае возбуждения уголовного дела в отношении лица, телефонные и иные переговоры которого прослушиваются в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», фонограмма и бумажный носитель записи переговоров передаются следователю для приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Дальнейший порядок их использования определяется уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации» [5].

Статья 6 и иные статьи Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», не содержат запрета, но прямо и не предоставляют оперативным сотрудникам право изымать при проведении ОРМ предметы и документы, предоставляющие оперативный интерес, а п. 1 части 1 ст. 15 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» разрешает при проведении ОРМ производить изъятие предметов, материалов или сообщений, а также прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экологической или экономической безопасности Российской Федерации [6]. Подобное изъятие не будет соответствовать нормам УПК РФ, определяющим требования к доказательствам. На практике считается, что подобное изъятие будет соответствовать требованиям статьи законности и допустимости доказательств только тогда, когда при подобных действиях оперативных сотрудников, направленных на оформление изъятия, будет обеспечено участие незаинтересованных граждан (понятых) с изъятием у них подписки о неразглашении данных проводимого ОРМ.

Практика показывает, что оформление процедуры изъятия оперативными сотрудниками наркотических средств, оружия, боеприпасов, похищенного имущества и т. д. в одних и тех случаях

осуществляется путем смешения ОРД с уголовно-процессуальной деятельностью, а именно используются: 1. Протокол личного досмотра; 2. Акт проведения контрольной закупки; 3. Протокол изъятия вещей и предметов; 4. Протокол осмотра места происшествия.

Недопустимо отождествление и смешение порядка проведения и документального оформления оперативно-розыскных мероприятий и порядка производства и фиксации результатов следственных действий. Нарушение данного правила может повлечь за собой существенные нарушения законных прав и свобод граждан [2, с. 38—42].

В настоящее время порядок представления результатов ОРД для использования их в процессе доказывания по уголовным регламентирован межведомственной Инструкцией о порядке представления результатов ОРД дознавателю, следователю, прокурору или в суд [4].

Значение процедуры представления результатов ОРД заключается в передаче субъекту уголовно-процессуальной деятельности конкретных оперативно-служебных документов в установленном законодательством Российской Федерации и ведомственным нормативным актом порядке. Представленные материалы после их проверки: определения достоверности, относимости и допустимости для уголовного судопроизводства, могут служить основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела, а также могут быть приобщены к материалам уголовного дела и использованы в доказывании в соответствии с уголовно-процессуальными нормами.

На основании проведенного исследования, можно сделать вывод, что современное российское законодательство в области применения и использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве требует ряд качественных изменений и дополнений. Для единого понимания закона и его применения необходимо совершенствовать процедуры вхождения в уголовный процесс результатов ОРД, т. е. информации, полученной с помощью оперативно-розыскных мероприятий. Необходима четкая систематизация уголовно-процессуального законодательства, устранения коллизий УПК РФ и Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Список литературы:

1. Бозров В. М. Результатам оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 12, с. 23—25.
2. Доля Е.А. «Формирование доказательств на основе оперативно-розыскной деятельности»//Монография М.: Проспект, 2009, с. 38—42.
3. Лебедев В.М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. 3-е издание (постатейный), с. 108.
4. Приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСКН России, Минобороны России № 368/185/164/481/32/184/97/147 от 17 апреля 2007 года /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [www. garant.ru](http://www.garant.ru). (Дата обращения: 28.06.2013).
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в ред. ФЗ от 6 декабря 2011 г. № 408-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ, 420-ФЗ)/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [www. garant.ru](http://www.garant.ru). (Дата обращения: 28.06.2013).
6. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «Об оперативно-розыскной деятельности»/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [www. garant.ru](http://www.garant.ru). (Дата обращения: 28.06.2013).

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Материалы XXVI международной заочной научно-практической
конференции

03 июля 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 09.07.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3